

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "GLOBUS"  
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ  
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**XXII МЕЖДУНАРОДНАЯ  
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ  
«ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ»  
(04 августа 2017г.)**

**2 часть**

г. Санкт-Петербург- 2017  
© Научный журнал "Globus"

УДК 082  
ББК 94.3

Сборник публикаций научного журнала "Globus" по материалам XXII международной научно-практической конференции 2 часть: «Достижения и проблемы современной науки» г. Санкт-Петербурга: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – С-П. : Научный журнал "Globus", 2017. – 80с.

Тираж – 300 экз.

УДК 082  
ББК 94.3

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

**Контактная информация организационного комитета конференции:**

Научный журнал "Globus"

*Электронная почта:* [info@globus-science.ru](mailto:info@globus-science.ru)

*Официальный сайт:* [www.globus-science.ru](http://www.globus-science.ru)

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Анфалов Е.В. РЕФЛЕКСИВНАЯ ГОТОВНОСТЬ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РЕФЛЕКСИВНО-ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТА ВОЕННОГО ВУЗА.....	5
Жилина К. СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НОВАЯ ПАРАДИГМА.....	12

### ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Джалилов З.Г. ИСЛАМСКИЕ ЦЕННОСТИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА .....	18
Тихонова Л.Е. НЕГАТИВНАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ: ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ.....	25

### ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Херсонский И.И. УЧЕБНО - ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ БАКИНСКОГО ФИЛИАЛА ПЕРВОГО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И.М. СЕЧЕНОВА. ....	29
---	----

### ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сегал Н.А., Зиятдинова С.А. КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА <i>ДОМ</i> КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА .....	31
Ёрова С.К. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ .....	39
Бакиева Г.Х. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА.....	43
Таджибова З.Т. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЗДОРОВЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ) .....	48
Щербина С.Ю. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАСЕН Г. АНДЕРСА .....	52

## **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Мельников М.А., ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	58
Крутько В.В., Маньков В.В. КОНКУРЕНЦИЯ БАНКОВ И НЕБАНКОВСКИХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ .....	64
Фатьянов Я.И. ЛИЗИНГОВАЯ ФОРМА ОБНОВЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ФОНДОВ ФИРМЫ.....	68
Ельшин Л.А. К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТРАДИЦИОННЫХ ПОДХОДОВ .....	72
Медведева Н.Г. КОНКУРЕНЦИЯ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ОБ АУДИТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК КАК КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ФАКТОР .....	75

## ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

### РЕФЛЕКСИВНАЯ ГОТОВНОСТЬ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РЕФЛЕКСИВНО-ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТА ВОЕННОГО ВУЗА

**Анфалов Евгений Владимирович**

*Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил  
«Военно-воздушная академия» в г. Челябинске, преподаватель*

Сложность, масштабность и оперативность задач, решаемых Вооруженными Силами, развитие новых форм и способов тактических действий войск, а так же полученный за последние годы боевой опыт их применения, предъявляет повышенные требования к уровню подготовки офицеров, в том числе и офицеров - выпускников военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны Российской Федерации.

Сегодня, в условиях стабилизации системы военного образования России, одним из направлений ее дальнейшего развития является совершенствование содержания подготовки слушателей и курсантов. При этом высоких результатов от процесса военно-профессионального образования государственный заказчик ждет не за счет увеличения времени на обучение, а напротив, – за счет интенсификации этого процесса.

Компетентностный подход в современных условиях предусматривает трансформацию репродуктивной учебной деятельности курсанта военного вуза в творческую, при которой он осознанно готовит себя к исполнению будущих ответственных служебных обязанностей. Кроме того, в общее понятие «компетенции выпускника военного вуза» кроме общих профессиональных знаний, умений и навыков входят и обязательные личностные качества (инициативность, ответственность и т.д.), и элементы коммуникации (умения решать задачи лично, а также в составе воинского подразделения), и определенный опыт повседневной служебной деятельности как военно-служащего. Все это, в комплексе, формирует поведенческие модели и готовность офицера-выпускника военного вуза к выполнению обязанностей военной службы.

При этом одной из задач по формированию готовности к выполнению военно-профессиональной деятельности в современных условиях мы рассматриваем задачу по формированию рефлексивно-прогностической готовности курсанта военного вуза. Составной частью решения этой задачи является формирование рефлексивной готовности.

Проблема формирования рефлексивной готовности курсантов военных вузов на сегодняшний день в педагогике практически исследована не достаточно. Некоторые вопросы формирования рефлексивной готовности обучающихся рассматривались отдельными учеными-исследователями (А.И. Акимов, С.А. Акимов, В.С. Мельников, А.В. Христева и другими). Но в контексте специфики военного образования рефлексивная готовность

остается мало проработанной, не в должной мере исследована модель и условия ее формирования в условиях военного вуза.

Рефлексивная готовность будущего офицера представляет собой не просто знание или понимание курсантом военного вуза ценности своей военно-профессиональной деятельности, но и его целостное представление о соответствии своих личностных качеств, эмоциональных реакций и когнитивных способностей с необходимыми качествами для его деятельности как военного профессионала [4, 143].

Рефлексивную готовность курсанта военного вуза можно рассматривать как совокупность ее компонентов: способность к военно-профессиональной деятельности; способность к самоконтролю, самоанализу и саморегуляции во внезапно изменяющихся условиях и условиях дефицита времени, условиях, способность к самооценке результатов своей служебной деятельности.

На сегодня в педагогике понятие «готовность» рассматривается широко и многогранно. В своем исследовании мы, аккумулируя различные подходы к данному понятию (Б.Г. Ананьев, М.И. Дьяченко, А.В. Патлах, В.А. Сластенин и другие), рассматриваем готовность как уровень профессионального мастерства, включающий в себя овладение стандартами профессионального образования, активное состояние личности, вызывающее деятельность и являющееся следствием деятельности, как интегративное качество личности, определяющее установки на профессиональные ситуации и задачи [8, 33].

Понятие «деятельность» в педагогике формулируется как система действий и операций, объединенных общей внутренней мотивацией и направленными на достижение определенных целей [9,36].

Военно-профессиональная деятельность – это деятельность по защите Отечества. В ней выделяются взаимосвязанные и объединенные социальными задачами учебно-боевая (боевая) профессиональная и служебная деятельность, повседневные отношения в воинском коллективе. Особенностью военно-профессиональной деятельности являются ее результаты – боевая готовность, дисциплина и др. И главным организатором этой деятельности является офицер.

Военно-профессиональная деятельность офицера понятие сложное и многоаспектное. Оно включает в себя общевойсковую, профессиональную, научно-методическую, педагогическую, творческую, конструктивно-технологическую составляющие, которые характеризуют конкретный вид воинской деятельности. По мнению военных психологов, структура военно-профессиональной деятельности включает в себя мотивационно-ориентировочной компонент, целостный ансамбль профессиональных действий и аналитический контрольно-оценочный элемент. При этом алгоритм процесса военно-профессиональной деятельности предполагает уяснение целей и задач военной службы, изучение обстановки и принятие решения; планирование

работы по реализации решения и организации его исполнения; анализ результатов и коррекция деятельности [6, 439].

Исследуя проблему с позиций деятельностного подхода (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Е.А. Климов и др.) мы рассматриваем процесс овладения курсантом военно-профессиональной деятельностью как переход его от внешней предметной деятельности во внутреннюю (мыслительную) деятельность. И в этом процессе на первый план выходят рефлексивные процессы мышления, происходит изменение формы психического отражения [7, 56].

Сущность рефлексии еще со времен Г. Гегеля отождествляется с процессом принятия решения. Рефлексия, базируясь на разделении функций действия и анализа действий, включает в себя три этапа: анализ предметной деятельности, критику предшествующей деятельности на основе анализа и поиск новой формы деятельности.

По мнению О.С. Анисимова, Т.Д. Барышевой, И.А. Бочкаревой, Б.З. Вульфа, А.А. Деркач, И.А. Зимней, Т.Е. Седанкиной, Н.Л. Слугиной и других ученых рефлексия является базовым компонентом профессионального развития личности. Профессиональная рефлексия, по их мнению, является внутренней работой личности по соотношению себя, своих возможностей с тем, чего требует данная профессия [2, с. 3]. Это означает, что критерием уровня профессионализма выступает рефлексия.

При этом профессиональная рефлексия курсанта, являясь составной частью деятельностной рефлексии будущего офицера, рассматривается нами как процесс формирования самосознания военного профессионала – сложного личностного образования, возникающего в результате самооценки качеств своей личности с точки зрения условий и задач военной службы.

Самооценка же происходит в процессе мышления человека. Поэтому профессиональная рефлексия и рефлексивная готовность курсанта военного тесно взаимосвязаны. И учитывая, что рефлексия это направленность мышления на себя, на собственные процессы и деятельность, мы принимаем понятие рефлексивной готовности курсанта военного вуза как деятельность будущего офицера, направленную на осознание своей индивидуальности и предназначения как вооруженного защитника Отечества.

Наличие у курсанта военного вуза рефлексии можно рассматривать как условие появления у будущего офицера новых эффективных способов военно-профессиональной деятельности и новых способностей. При этом его военно-профессиональная деятельность осуществляется осмысленно, с глубоким осознанием целей, мотивов, причин, по которым могут возникнуть трудности при решении служебных задач, а значит с возможностью ее коррекции. Обладая рефлексивными умениями, курсант демонстрирует готовность осуществлять за счет осознанной саморегуляции, самоконтроля и самоанализа – в терминологии Л.С. Выготского – языком внутренней речи объединять, пересекать и расширять границы полученного социального

опыта в целях дальнейшей самореализации и самосовершенствования [5, 16].

Рассматривая способность курсанта военного вуза к саморегуляции, самоанализу и самоконтролю как формируемые качества его личности, исследуем их как компоненты его рефлексивной готовности.

Наличие и развитие способностей к самоконтролю у обучающихся, по мнению ряда ученых (А.С. Макаренко, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский и другие), является одним из основных факторов обеспечивающих их самостоятельную деятельность, развитие памяти и устойчивого внимания. С помощью самоконтроля курсант способен сознательно регулировать собственные состояния, побуждения и действия на основе сопоставления их с требованиями руководящих документов, а также с отдельными субъективными нормами и представлениями [11, 309]. Общее назначение самоконтроля как составной части рефлексивной готовности – в своевременном предотвращении или обнаружении уже совершенных ошибок, с одновременным усвоением и принятием курсантом тех или иных норм поведения, с преобразованием их во внутренние механизмы саморегуляции.

Будущий офицер как субъект и объект военно-профессиональной деятельности обязан уметь приспособлять свои личные способности конкретным, часто внезапно возникающим задачам учебно-боевой и служебной деятельности. Способность оптимизировать имеющиеся у курсанта психические и личностные (мотивы, способности, возможности и т.д.) уровни регуляции деятельности и есть способность к саморегуляции.

Наши исследования саморегуляции, как одного из признаков рефлексивной готовности курсантов военных вузов, основываются на работах отечественных ученых П.К. Анохина, А.А. Бодалева, А.В. Брушлинского, Б.Ф. Ломова, П.Н. Приходько, С.Л. Рубинштейна. Именно с позиции единства сознания и деятельности курсанта, мы рассматриваем саморегуляцию как сложный процесс построения и управления его внутренней и внешней активностью при выполнении задач учебно-познавательной и военно-служебной деятельности [10, 49].

Активность в психологическом плане можно охарактеризовать как психическое качество, базирующееся на потребностях и интересах личности, существующее как внутренняя готовность к действию. Именной посредством активности, по мнению К.А. Абульхановой-Славской, Е.А. Певцова, О.А. Браилко, обучающийся решает вопрос о согласовании, соизмерении объективных и субъективных факторов деятельности. Активность курсанта в военно-профессиональной деятельности может выступать в различных формах: работоспособность, дееспособность, самодеятельность и т.д.

Уровень, длительность и устойчивость активности напрямую зависят от согласованности и оптимальных сочетаний разных компонентов (эмоционального, мотивационного, рефлексивного, волевого и т.д.), от способа,



с помощью которого курсант как субъект военно-профессиональной деятельности включается в решение тех или иных служебных задач, а также от статуса, который он занимает в этой деятельности [12, 123].

В ходе выполнения задач военно-профессиональной деятельности перед курсантом нередко встают различные трудности военной службы. Если курсант не обладает развитым чувством ответственности, волей, то он может прекратить выполнение задачи. Именно волевая саморегуляция в процессе формирования рефлексивной готовности является механизмом, способствующим поддерживать оптимальный уровень активности вне зависимости от изменения психических состояний личности на том или ином этапе деятельности.

Умение осуществлять саморегуляцию мы рассматриваем как один из признаков рефлексивной готовности курсанта военного вуза, его внутренним личностным условием, определяющим способность курсанта контролировать и управлять эмоциями, точно и адекватно воспринимать знания и умело их реализовывать на практике.

Поэтому формирование рефлексивной готовности курсанта военного вуза обеспечит формирование следующих умений, необходимых им в будущей военно-профессиональной деятельности: ставить цели и определять наиболее актуальные из них; длительное время удерживать поставленные цели волевыми усилиями; проводить анализ условий, необходимых для достижения поставленной цели; в зависимости от изменяющейся обстановки и ситуации выбирать оптимальные способы действий и организовывать их последовательную реализацию; проводить оценку промежуточных и конечных результатов военно-профессиональной деятельности с подбором необходимых критериев оценки; адекватно реагировать на изменение обстановки и исправлять допущенные ошибки.

Рассматривая процесс самоанализа будущего офицера как анализ курсантом собственного и чужого опыта военно-профессиональной деятельности, мы принимаем позиции тех ученых, что самоанализ, в отличие от самой рефлексии, в большей степени концентрируется на процессуальной стороне. Анализируя собственную военно-профессиональную деятельность в стенах военного вуза, курсант мысленно раскладывает деятельность на составляющие с глубоким проникновением в их сущность и результаты, конкретизирует успехи и проблемы, приходит к определенным выводам, а значит, имеет возможность корректировать свою дальнейшую деятельность.

Именно самоанализ нередко помогает курсанту преодолеть ту или иную проблему. В ходе самоанализа курсант осознает и внутренне формулирует цель в виде задачи или проблемы, которые необходимо выполнить или разрешить. В завершении самоанализа, на основе теоретического осмысления собственной военно-профессиональной деятельности и опыта других, курсант разрабатывает программу действий по совершенствованию

своей деятельности, включающую в себя цели, мотивы, планы действий. Таким образом, самоанализ можно рассматривать как оценочно-рефлексивный этап военно-профессиональной деятельности курсанта.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что рассмотренные нами процессы – самоконтроль, саморегуляция и самоанализ – взаимодействуют друг с другом и интеграционно входят в структуру рефлексивной готовности, являясь одними из основных ее компонентов.

Рассмотрим военно-профессиональную самооценку как один из компонентов рефлексивной готовности курсанта военного вуза. Исходя из современного психолого-педагогического толкования, самооценка будущего офицера – это оценка курсантом собственных военно-профессиональных и личностных качеств, достижений и недостатков, ценность или значимость, которой он себя наделяет [9, 240]. На результаты самооценки влияют не только соотношение курсанта своих военно-профессиональных качеств с имеющимися у него примерами (эталопами) и стандартами военной специальности, но и результаты его учебной и служебной деятельности, оценки его командиров и сослуживцев, социальные факторы и взаимоотношения в воинском коллективе.

Самооценка отдельного курсанта во многом зависит от ценностей, которые являются ведущими в данном воинском коллективе, в военном вузе и в Вооруженных силах в целом [3]. Поэтому одним из условий формирования рефлексивной готовности должно быть изучение военно-исторического наследия Российской армии, привитие курсантам ценности военной службы и избранной военной профессии.

Самооценка как элемент мышления участвует в большинстве когнитивных процессов и активно влияет на них. Суть этого эффекта состоит в том, что наша память более эффективно функционирует, когда сравнивает поступающую информацию с «Я». Мы лучше помним, что сказано о нас, чем о другом. В современной науке установлен факт предрасположенности самооценки личности в пользу своего «Я». Эта тенденция связана с тем, что человек себя воспринимает более благосклонно, чем это есть на самом деле. Несколько завышенная самооценка может дать тактические преимущества в конкретном виде профессиональной деятельности [1, 20].

Исходя из временного параметра, самооценка курсанта может быть ситуативной (в ходе конкретной ситуации, в момент выполнения того или иного действия) и общей, личностной, когда курсант оценивает свой достигнутый военно-профессиональный или личный уровень с началом обучения в вузе или с началом выполнения тех или иных военно-профессиональных функций. Именно личностная самооценка наиболее подвержена влиянию факторов развития личности курсанта. Поэтому для эффективной работы по формированию самооценки курсантов в условиях военного вуза необходимо: организовать включение обучающихся в активную оценочную деятельность, создавать условия для активизации и применения критического самоанализа, обеспечить доведение и овладение образцами предъявляемых

к выпускникам по военной специальности квалификационными требованиями.

Таким образом, проанализировав научную литературу, мы определили основное содержание и особенности структурных компонентов рефлексивной готовности курсантов военных вузов, под которыми мы понимаем способность к рефлексии военно-профессиональной деятельности, самоконтроль, саморегуляцию и самоанализ, военно-профессиональную самооценку.

Мы пришли к выводу, что для достижения необходимого уровня рефлексивной готовности курсанты военных вузов должны иметь целостное представление о ценности военной профессии и военной службы; осознавать личную ответственность за результаты своей служебной и учебной деятельности; иметь высокий уровень личной самооценки как будущего офицера; уметь контролировать свои эмоции и действия в изменяющихся условиях и условиях дефицита времени; стремиться к самовыражению и самореализации; быть способным самостоятельно оценить соответствие индивидуальных личностных качеств требованиям, предъявляемым к будущей военной специальности.

### Список литературы

1. Акимов А.И. Компоненты процесса формирования рефлексивной готовности обучающихся образовательных организаций к профессиональной деятельности / А.И. Акимов, С.А. Акимов, В.С. Мельников // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – №9. – С. 17-22.

2. Анисимов О.С. Стратегия и стратегическое мышление (ак-меологическая версия) / О. С. Анисимов. – Москва: Агро-Вестник, 1999. – 605 с.

3. Анисимова О.М. Самооценка в структуре личности студента: дисс. канд. психолог. наук: 19.00.05. / Ольга Михайловна Анисимова. – Ленинград, 1984 г. – 184 с.

4. Анфалов Е. В. Совершенствование рефлексивных и прогностических умений курсантов военных вузов в процессе подготовки к профессиональной деятельности [Текст] // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы X Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.). — Самара: ООО "Издательство АСГАРД", 2017. — С. 142-145.

5. Баланов, С.А. Формирование дисциплинированности у курсантов вузов ВВ МВД России на основе рефлексивной модели воспитания: автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.08 / Сергей Александрович Баланов. – Махачкала, 2013. – 24 с.

6. Военная педагогика / Под ред. О. Ю. Ефремова: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2008. – 640 с.

7. Климов, Е.А. Психология деятельности / Проф. тех. образование. 1973. – №1. – С.56-57.

8. Патлах А.В. Формирование методической готовности курсантов вузов пограничного профиля к индивидуальной воспитательной работе: дис.

...канд. пед. наук: 13.00.08 / Анатолий Владимирович Патлах. – Сургут, 2015. – 178 с.

9. Педагогический словарь : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / [В.И. Загвязинский, А.Ф. Закирова, Т.А. Строкова и др.]; под ред. В.И. Загвязинского, А.Ф. Закировой. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 352 с.

10. Приходько П.Н. Педагогическое обеспечение здорового образа жизни курсантов военных авиационных вузов: дисс. канд. пед. наук: 13.00.08. / Павел Николаевич Приходько. – Воронеж, 2014. – 249 с.

11. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. М.: Большая рос. энцикл, 1993-1999. – 1160 с. – [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Pedagog/russpenc/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/russpenc/index.php).

12. Терегулов, Ф.Ш. Передовой педагогический опыт / Ф.Ш. Терегулов. – М. 1991. – 296 с.

## **СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НОВАЯ ПАРАДИГМА**

**Ксения Жилина**

*Магистрант, Ростовский Государственный Экономический  
Университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова,  
г. Таганрог*

В условиях неопределенности и неустойчивости внешней среды требуются современные высокоэффективные методы становления новой системы образования, ориентированные на вхождение во всемирное образовательное пространство. В период глубоких структурных изменений обществу требуется незамедлительная выработка новой образовательной модели, адекватной условиям развития информационного общества. Сложившаяся традиционная парадигма российского высшего образования уже не в состоянии полноценно осуществлять свою деятельность. На основе существенных инновационных изменений методы должны получить воплощение в практике образовательных структур. С помощью этих методов обеспечивается не только повышение эффективности конечных результатов обучения, но и происходит смена образовательной парадигмы, предлагаются концептуально новые содержание, подходы, отношения, поведение, педагогический менталитет. Таким образом, вопросы исследования и анализа процесса становления новой парадигмы образования являются актуальными.

Кардинальные преобразования в социально-экономической и духовной сферах жизни российского общества задали новый уровень качества школьного образования, нацеленный на совершенствование человеческого потенциала. Исследования в области существующих систем современного образования обнаружили, что в настоящее время вопросы, связанные с определением эффективности их реализации, занимают центральное место в рабо-

тах отечественных и зарубежных педагогов, при этом существует противоречие между многочисленными работами по выявлению эффективных методов организации учебного процесса и проблемами их практической реализации.

Парадигма познания включает в качестве своих определяющих элементов понятия, ценности, достижения и технологии, образовательная парадигма выступает основой построения образовательного процесса и концептуализации профессиональной деятельности педагога, придавая ей черты целесообразности, осмысленности, структурированности и направленности.

Педагогическая парадигма образования – совокупность понятий, ценностей, представлений и практик, разделяемая сообществом и формирующая видение образования как формирования культуры и развития интеллекта сменяющего поколения в условиях передачи социального опыта от старших, представленного посредством категорий «знания», «умения», «навыки», «компетенции» и других атрибутов деятельности, освоенной предшествующими поколениями.

Современная модель образования должна обеспечить интеграцию различных способов освоения мира, тем самым раскрыть и увеличить творческий потенциал человека для свободных и осмысленных действий, целостного и открытого восприятия и осознания мира, обеспечить потребности производства и общества через внедрение инновационных процессов в систему массового обучения. Проблема разработки современной модели образования заключается в поиске удобных организационных форм, сохранении и развитии процесса образования на разных уровнях системы. Образование не может быть целиком самоопределяемо индивидами или группами. Определение целей, программ и планов обучения – это совместное творчество организаторов обучения, педагогов и обучающихся, и в то же время образование нельзя рассматривать только через призму целей и задач, которые должен решать в жизни человек, но необходимо учитывать и потребности самой личности в своем развитии. Переход от нормативного к современному образованию обострил проблемы готовности педагогов к поиску и применению новых технологий обучения и определению каждым субъектом образовательного процесса собственного места в этой системе.

Системная парадигма образования – совокупность понятий, ценностей, представлений и практик, разделяемая сообществом и формирующая видение образования как культивирование индивидуальностей в условиях предметно-образовательных сред, создаваемых на основе опыта предшествующих поколений и ориентированных на самостоятельные познавательные движения учащихся, курируемые преподавателями и опирающиеся на процесс познания как на основу естественного развития.

Особенности новой парадигмы образования – создание условий для саморазвития, самостоятельного принятия решения, развития ответственности, выработки собственного индивидуального стиля учебной деятельности

и общения в огромной степени зависит от личностных качеств обучающегося.



*Рисунок 1. Основные тенденции совершенствования образовательных технологий*

Личностно ориентированное взаимодействие педагога с учащимися приобретает огромное значение, важная роль отводится гармоничному духовному формированию личности, становлению морального облика. Новая парадигма образования предполагает интеграцию образовательных факторов, увеличение роли науки в создании педагогических технологий, соответствующих уровню социального знания (рис.1).

Стратегические расчеты развития образования в России невозможны без учета влияния реализации новых сценариев развития, в рамках «Стратегии 2020», в которой отражены приоритеты, цели и этапы формирования и реализации современной модели образования на период до 2020.

В проекте образовательной части «Стратегии 2020», определены основные проблемы, согласно которым образование в стране не может правильно развиваться и изменяться в рамках существующей образовательной парадигмы. Выход из сложившейся ситуации описывается несколькими сценариями в рамках документа. Современное образование должно продвигаться в сторону индивидуальности и изменений – в рамках новой парадигмы образования для каждого ученика должен быть разработан частный образовательный план, с целью улучшения качества обучения «Стратегия 2020» предлагают модернизировать стандарты образования педагогов и сделать особенные профессиональные стандарты для них. Ключевой момент модернизации – окончание работы над национальной системой оценки добротности образования, когда оценивается не только уровень знаний, но и уровень компетенции, в том числе и степень социализации учащегося.

Таким образом, новая парадигма образования декларируемая «Стратегией 2020» должна обеспечить системообразующий ресурс социально-экономического и политического развития государства, социокультурной модернизации российского гражданского общества.

Современные требования к школьному образованию включают получение детьми свободных навыков работы с различной информацией, умений в проведении исследований и решении жизненно важных практических задач. Их решение планируется как результат работы педагогов согласно новым стандартам, технологиям и методикам, описанным нормами ФГОС. Смысловые ориентиры современного образования представлены широким спектром ценностей, определяющим идеал образованности, складывающийся в обществе. Во главу угла поставлено становление личности, способной жить в условиях высокотехнологичного, конкурентного мира, успешного гражданина своей страны, владеющего современными знаниями, компетенциями, воспитанного на основе идеалов гражданского общества, единства национальных и общечеловеческих ценностей. Это находит отражение в содержательном наполнении качества образования, выступающего ведущей идеей Федеральных государственных образовательных стандартов, устанавливающих требования и нормы, принимаемые за эталон качества образования, адекватного современным и даже прогнозируемым запросам личности, общества, государства.

ФГОС как методология новой парадигмы образования призвана решить ряд проблем российского образования, главная задача ФГОС создание социально-педагогической среды, способствующей формированию и развитию человеческого потенциала России, реализации социально-образовательных проектов, культурно-образовательных инициатив, созданию интеллектуальных образовательных сетей. С педагогических позиций качество образования определяется совокупностью показателей, характеризующих различные аспекты учебной деятельности образовательного учреждения, которые создают условия для успешной социализации и идентификации личности, ее профессионализации. Это касается целей, содержания образования, форм и методов обучения, обеспеченности соответствующей материально-технической базой и профессиональными кадрами.

Процесс, реализующий принципы новой образовательной парадигмы, предполагает постоянное увеличение времени на самостоятельную и практическую работу студентов, что позволит быть активным в творческом познании на семинарах, лабораторных, участвовать в дискуссиях, овладевать проектными методиками. В целом опыт творческой деятельности разовьет необходимые умения наблюдать, классифицировать, использовать символы, осуществлять обоснованный выбор, определять, измерять. Практическое использование знаний приведет к развитию умений выделять проблему, объяснять ее сущность, выявлять причинно-следственные связи, намечать пути решения, проводить экспериментальную проверку, модели-

ровать, анализировать и выбирать правильное решение. Наряду с этим разовьются коммуникативные умения сотрудничать с другими, планировать и разрабатывать эксперимент, делать обоснованные выводы и адекватно оценивать полученные результаты.

В современной парадигме образования главное и единственное место занято научной методологией познания. Научная методология познания великое достижение человечества, приносящее объективную пользу и способствующие прогрессу. Но это не единственный и не безупречный путь познания. В последние десятилетия и в научной среде говорят о вреде, который нанесли миру так называемые «научные представления о мире», «технический рационализм». Главной потерей считается тенденция в мышлении к узкой бестелесной рациональности, которая тесно связана с познавательным, но далека от чувственного. Современное мировое сообщество неизбежно движется, и с дальнейшим развитием всемирной информационной сети, будет двигаться всё быстрее в сторону глобального образовательного пространства.

Таким образом, современная парадигма образования понимается нами как система, построенная с учетом ценностей нового века: субъектности, диалогичности, экзистенциальности, развивающей направленности, интегрированности, фундаментальности.

### Список литературы

1. «Об утверждении и введении в действие федерального государственного стандарта начального общего образования: приказ Минобрнауки России от 28.10.2015 № 08-1786, от 03.03.2016 № 08-334 [Электронный ресурс] // URL: <http://минобрнауки.рф/документы/336> (дата обращения: 31.07.2017)
2. Бороздина, Г.В. Психология и педагогика: [Текст] Учебник для бакалавров / Г.В. Бороздина. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 477 с.
3. Гуревич, П.С. Психология и педагогика: [Текст] Учебник для бакалавров / П.С. Гуревич. - Люберцы: Юрайт, 2016. – 479 с.
4. Джуринский, А.Н. Сравнительная педагогика: [Текст] Учебник для бакалавриата и магистратуры / А.Н. Джуринский. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 440 с.
5. Столяренко, Л.Д. Психология и педагогика: [Текст] Учебник для академического бакалавриата / Л.Д. Столяренко, В.Е. Столяренко. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 509 с.
6. Харисова, Л.А., Структурно-функциональная модель повышения качества инновационной деятельности педагогов [Текст] / Л.А. Харисова, Т.М. Шукаева // Педагогика: журнал. – 2016. – №10. – С. 67-73.
7. Белогуров, А.Ю., Стратегия и методология профессионального развития педагогов в течение всей жизни [Текст] / А.Ю. Белогуров // Педагогика: журнал. – 2016. – №7. – С. 58-64.
8. Носкова, Т.Н., Анализ отечественных и зарубежных подходов к построению передовых образовательных практик в электронной сетевой среде



[Текст] / Т.Н. Носкова, Т.Б. Павлова, О.В. Яковлева // Интеграция образования : журнал . – 2016 .– №4 .– С. 456-467.

9. Пушкарева, Е.А., Непрерывное образование в развитии изменяющихся общества и личности: интеграция исследовательских позиций в России и за рубежом [Текст] / Е.А. Пушкарева // Интеграция образования : журнал . – 2016 .– №4 .– С. 438-445.

10. Слепцова, И.Ф., Новая образовательная политика в контексте Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования [Текст] / И.Ф. Слепцова // Педагогическое образование и наука: журнал . – 2016 .– №5 .– С. 19-23.

11. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года[Электронный ресурс] // URL:<http://2020strategy.ru>

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

### ИСЛАМСКИЕ ЦЕННОСТИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Джалилов Заур Гафурович

*д.и.н., главный научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки 050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29.*

### ISLAMIC VALUES AND MODERNIZATION OF SOCIETY

*Zaur Jalilov*

*doctor of science, Chief Researcher of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, 050010 Kazakhstan, Almaty, Kurmangazy Prospect, 29*

### АННОТАЦИЯ

В настоящей статье автор не стремится охватить все проблемы связанные с исламом и модернизацией современного общества. Основное внимание автор уделяет освещению таких важных вопросов, как функции исламских ценностей в обществе. В данной статье рассматриваются вопросы роли и места религии в условиях модернизации общественно-политических систем в странах Востока. Особое внимание обращается теоретическим концепциям Э. Дюргейма, С. Ольденбурга, Г. Гессе, которые внесли большой вклад в изучении проблемы интеграции религии в общественные структуры.

**Ключевые слова:** Ислам, общество, исламские традиции, модернизация, политика.

### ABSTRACT

The present article does not apply for the exhaustive analysis of all problems of Islam and a society. This article is give theoretical and methodological basis of research in studying characteristics of Islam in terms of transformation in social and political life. Its role and importance in the East and the Republic of Kazakhstan have been selected by the theoretical concepts of E. Dyurgeym, S. Oldenburg, H. Hesse, who had a great influence on the study of interaction between society and religion, also a comprehensive approach, which allows to identify common and special features of the Islamic religion revolution in different historical periods.

**Keywords:** Islam, society, Islamic tradition, modernization, policy.

В последние годы в отечественной и зарубежной историографии значительно возрос и продолжает возрастать интерес к различным аспектам религии. Заметное место в исследовательском процессе занимает изучение традиционных и нетрадиционных религиозных движений и направлений, систем взглядов богословских мыслителей и возглавлявших ими школ,

сравнительный анализ достижений восточной и западной цивилизаций, диалога культур, консолидации современного общества. Интерес к этому и другому кругу вопросов, вполне закономерен. Помимо, разумеется, чисто академического аспекта, есть и другие, не менее серьезные мотивы. Ведь современный уровень развития науки, наше сегодняшнее знание о тенденциях и закономерностях развития и распространения ислама уже ни у кого, пожалуй, не оставляет сомнений в факте самого непосредственного и весьма значительного влияния исламских ценностей на трансформацию всего разностороннего комплекса общественных структур в мусульманских обществах.

Современные события, происходящие в Казахстане и других странах Центральной Азии, наглядно подтверждают актуальность вопросов возрождения ислама, духовных традиций, проблем модернизации общественного сознания, укрепления национального и духовного единства государства, его безопасности. Особенно злободневны эти проблемы сейчас, когда в Казахстане активно ведется поиск нравственных ориентиров религиозных учений, методов недопущения «политизации религии» как одного из опаснейших факторов дестабилизации общества, наблюдается всевозрастающий интерес со стороны молодежи и других социально-активных слоев населения к исламским ценностям. А это заставляет искать ответы на вопросы, каково влияние возрождения ислама на состояние религиозности в стране? Как использовать религиозные традиции, не допустив при этом, чтобы они стали препятствием для общественно-политических преобразований, и какова должна быть модель государственно-конфессиональных отношений, чтобы она соответствовала условиям страны и была бы всеми признана необходимой?

В этом контексте становится ясно, что ретроспективный анализ традиции, диалектический подход к дихотомии Восток – Запад, традиционное и современное, безусловно, представляет не только большую научную ценность, но и – что не менее важно – такую же научную (более того, научно-политическую) актуальность, поскольку позволяет глубже и вернее понять сегодняшний облик восточных обществ, дать адекватную оценку степени самобытности их исторической эволюции, в значительной степени прогнозировать тенденции и перспективы их развития и, кроме того, проследить как расхождения, так и точки соприкосновения между такими, казалось бы, различными цивилизациями, мировосприятиями и мироустройствами, как восточные и западные. Иными словами, такой анализ важен еще и потому, что освященные веками традиции, обобщающие исторический опыт и национальную мудрость, всегда «оказывали и сегодня продолжают оказывать далеко не последнее (если не самое непосредственное) влияние на жизнь современного общества и определять специфику его модернизации» [1, с. 12].

Именно поэтому, когда исследователи, сегодня говорят о религиозных ценностях, они все настойчивее акцентируют «планетарное» значение ее гуманистического, конструктивного потенциала, считая – с разной степенью

категоричности – возможным, желательным или необходимым синтезировать его с достижениями мировой общественной мысли и использовать в ходе структурных многоступенчатых реформ. Попытки объяснить реформу «из самой» реформы зачастую оказываются несостоятельными. Профессор Абсаттар хаджи Дербисали в своей книге «Ислам – религия мира и созидания» пишет: «Национальное самосознание не мыслится в отрыве от духовно-нравственных установок, берущих свое начало в гуманистических традициях ислама, христианства и иудаизма. В Священном Коране, Инджиле (Евангелие) и Таурате (Торе) звучат постоянные призывы к милосердию, к отказу от насилия, к дружбе и братству всех людей. Именно эти принципы, доступно изложенные в книгах единобожных религий, стали первоисточниками гуманизма и миротворчества. Человеколюбивые идеалы ислама, христианства, иудаизма обеспечили, в сущности, тот путь социального прогресса, по которому идет население планеты. Достижения современной цивилизации нельзя рассматривать вне ценностей авраамаистического, единобожного наследия» [2, с. 283].

Иными словами, адекватное понимание религиозных традиций и сегодня обуславливает адекватное осмысление прошлого, настоящего и прогнозирование будущего; а коль скоро это так, ретроспективный и компаративистский анализ религиозной традиции во многом способствует улучшению взаимопонимания и поискам точек соприкосновения между Востоком и Западом, вообще между людьми, если они откажутся от идеи геополитической детерминированности своей судьбы. Г. Гессе в этой связи отмечал, что «при знакомстве с восточными религиями нас вдруг озаряет странная мысль о возможности синтеза обоих миров» [3, с.307]. В них мы открываем, по существу, те же самые глубинные свойства, что давно знакомы нам у великих людей западной истории. Иными словами, изучение и понимание различных религий помогает другим цивилизациям и народам лучше познать самих себя, поскольку дает возможность взглянуть на свою историю и культуру под несколько иным углом зрения. «...Старый Восток, – писал С.Ф. Ольденбург, – дал нам вечные образцы, которые никогда не потеряют своего значения для человека ... Новый Восток полон тоже больших возможностей, заветы старого не умерли в нем, но он должен претворить их в новые образцы, дать новые достижения» [4, с. 113].

Различная идеологическая ориентация политиков и ученых, неоднозначность и разнонаправленность их философской и социально-политической экзегезы обусловили широкий спектр точек зрения на прошлое, настоящее и будущее человеческой цивилизации. При доминировании в целом мнения о традиционной национальной культуре как органической части культуры человечества раздавались голоса, расценивающие первую в качестве реальной альтернативы западной и общемировой культуры.

Сегодня человечество во многом связывает свои надежды с выработкой единого видения мира, общей для всех ответственности за его судьбу, с необходимостью обоюдной помощи. Позитивные перспективы в последнее

время находят подтверждение в «открытии для себя» Казахстана для всего мира. Осознание единства судеб исторического развития Востока и остального мира определяет важность и актуальность изучения традиционной восточной идеологии, исламского комплекса ценностей. Они должны изучаться в совокупности с другими «моральными силами», которые немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс (1883 – 1969) рассматривал в качестве «носителей всемирно-исторического сознания». Философия каждой из мировых религий была направлена на поиски и создание путей общечеловеческой «коммуникации», взаимопонимания между народами и государствами, преодолевающего все барьеры культурных и временных кругов.

Их этические нормы, нравственные принципы принадлежат не только мусульманам, христианам, иудеям и другим, но и всему человечеству. Они, несомненно, должны играть стабилизирующую и консолидирующую роль в обществе, поскольку обладают гуманистическим потенциалом, и содержат позитивные элементы, которые вполне могут и должны оказать влияние на процесс модернизации общественной жизни, приблизить к «идеалу духовной гармонии и внутреннего равновесия». Они настроены на то, чтобы воспитать каждого индивидуума как члена «доверительного» сообщества, что подразумевает постепенное и целенаправленное культивирование «самости». В комплексе все это трактуется как ответственность каждого за себе подобных, за собственную семью и за общество в целом. «Самость» становится цементирующим фактором морального консенсуса, своеобразным центром тех связей и отношений, которые служат важнейшей основой солидарности группы. Религиозная этическая «самость» община по натуре и потому заслуживает всемерно рационального развития и понимания, будучи диаметрально противоположной деструктивной «самости».

Нельзя не обратить внимание на проблему «иконоборчества» – росте сомнений в исламской системе ценностей, применимости ее в новую эпоху. Следует отметить, и на Востоке и на Западе исламские этические постулаты обычно были критикуемы по трем направлениям: во-первых, они расценивались как нечто вредное для развития науки и логического мышления и – более широко – как нечто доказавшее свою непригодность на пути развития и строгого восприятия проблем познания (в том виде, как они были интерпретированы Р. Декартом и Д. Юмом); во-вторых, им отказывали в совместимости с демократическими политическими процедурами и институтами; в-третьих, их критиковали с позиций западного индивидуализма – как факторы, существенно ограничивающие самостоятельность индивидуума путем подчинения его строго регламентированным нормам, господствующим внутри различных социальных образований [5, с. 357].

Ислам осуждали за практику чрезмерно жесткой «опеки» над личностью. Но при этом забывали, что именно в рамках этой религии впервые заговорили о личной моральной ответственности и нравственном идеале как гармонии различных интересов, подчеркивалась духовная независимость индивидуума.

Исламская этическая доктрина считалась олицетворением подобной «опеки», рассматривалась как учение слишком прочно связанное с авторитарными формами правления, делающее исключительный акцент на социальной иерархии. Точка зрения, согласно которой ислам ставил интересы группы над интересами личности, отдавало приоритет конформности над неортодоксальной творческой мыслью, социуму над индивидуумом, доминировала среди западных исследователей.

Исламские постулаты, в конечном счете, включают в себя два момента: уважение к власти и необходимость ставить мораль выше власти. Вопрос о том, могут или нет исламские этические ценности, способствовать модернизации современного общества, сводится к трем аспектам: стимулируют ли они нечто наподобие баланса между личностью и группой; совместимы ли они с демократией; не препятствуют ли они развитию культуры и науки. Оставляя за скобками третий аспект проблемы, отметим, что в контексте нынешнего поиска индивидуальной моральной автономии и демократии исламская доктрина не содержит непреодолимых препятствий в форме каких-то акцентов на иерархии. Исламская концепция власти, взгляд на иерархию и личность совместимы с нынешними поисками моральной автономии.

Термин «я» никогда не употреблялся в исламе как нечто, относящееся к субстанции, имеющей свою собственную идентичность; скорее он трактовался как объект в ряду других объектов.

Идеи, заложенные в традиционном исламе, долгое время были и продолжают оставаться «общей собственностью» многих народов; это относится к его этическим воззрениям, которые нельзя ограничивать национальными рамками. Ислам предлагает некоторые конкретные пути и методы самовоспитания, саморазвития и самосовершенствования: во-первых, усидчивость в обучении; во-вторых, осторожность и терпимость в мышлении; в-третьих, пути формирования идеала; в-четвертых, опробование на собственном опыте тех постулатов, за которые ратуешь. Исламский метод морального развития как комбинация учебы, мышления, идеала и практики содержит глубокую мысль. Эти четыре фактора самым тесным образом взаимосвязаны и взаимообусловлены: без обучения невозможно мышление; без мышления невозможно формирование идеала; без идеала не будет практики, а без практики обучение, мышление и идеал ни к чему не ведут. Не случайно средневековые мыслители мусульманского Востока убедительно говорили о возможности возрождения народа на основе исламской этики, рассматривая ее как средство избавления от общественных недугов и конфликтов.

Ислам дает ответы на многие сегодняшние проблемы образования и не только. Его эвристический метод обучения имеет много общего с методами представителей других религий, равно как и с идеями прошлых и современных просветителей; особенно важен акцент на этических ценностях в образовательном процессе. Исламское единство образования, этики и политики

(моральная ориентация системы обучения: «задача учителя смешивать знания с добродетельностью в умах своих учеников»), строгое следование принципу «правление путем примера» могут при благоприятных обстоятельствах служить весьма эффективной альтернативной некоторым современным формам правления [6, с. 96].

В исламе мир представляется как гармоническое целое, в котором все существа и явления расположены в соответствии со сквозной всеохватывающей иерархией, образуя целостную модель; они внутренне взаимозависимы и взаимосвязаны. Основываясь на метод культурно-исторических аналогий, можно отметить, что в некоторых аспектах исламские традиции можно сравнить с христианскими и конфуцианскими. Для того чтобы традиционные этические нормы продолжали играть весьма и весьма заметную роль в повседневной жизни современного общества, консолидации этносов и религий, необходимо чтобы они сохранили свой позитивный потенциал, а реформы должны быть направлены на «политическую децентрализацию и экономическую деколлективизацию».

Ретроспективный анализ культурно-исторической эволюции «крупнейших индустриальных наций» со всей очевидностью свидетельствуют, что каждая из них прошла свой собственный путь к модернизации, максимально используя сильные стороны отечественных традиций. Модернизация Казахстана отнюдь не подразумевает его вестернизацию, не должна и, разумеется, не может быть копией западных моделей. Модернизировать Казахстан – значит, прежде всего, верно определить каковы преимущества традиционной этики и каким образом достичь, возможно, более полного использования этих преимуществ. Такие исламские ценности, как близость между родственниками и преданность между людьми, обладают значительными позитивным потенциалом, способным стимулировать всестороннее развитие общества, а потому реформа не может не быть направлена на всемерное, оптимальное раскрытие этих ценностей.

В этом контексте значительно возрастает ряд таких ценностей исламской этики, как умеренность, лояльность, благожелательность и, главное, «дух общинных взаимоотношений», а также принципа почитания единства. Эти принципы помогают стабилизировать отношения не только в рамках общины, но и внутри более широких социальных групп.

### **Список литературы:**

1.Абусейтова М.Х. История Центральной Азии: концепции, методология и новые подходы // К новым стандартам в развитии общественных наук в Центральной Азии. Материалы международной научной конференции.– Алматы: Дайк-Пресс, 2006.– С. 10–17.

2.Абсаттар хаджи Дербисали. Ислам – религия мира и созидания. Историко-филологические, теологические исследования, статьи и интервью.– Алматы: Дайк-Пресс, 2010. – 650 с.

3.Гессе Г. Сиддхартха. Путешествие к земле Восток. – М.: АСТ, 2008.

– 340 с.

4.Ольденбург С.Ф. Связи Запада с Востоком старинные...// Восток – Запад. Исследования, переводы, публикации. Выпуск первый. – М.: ГРВЛ, 1982. – 294 с.

5.Дюргейм Э. Социология. Ее предмет, методы, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 400 с.

6.Хазраткулов М. Социально-политическая обстановка в раннем исламе и становление мусульманского права // Сборник научных статей «Эпоха Имама А‘зама и ее значение в истории культуры народов Центральной Азии и Ближнего Востока». – Душанбе: 2009. – С. 94–104.

### **References:**

1.Abuseitova M.H. History of Central Asia: concepts, methodology and new approaches // To new standards in the development of social sciences in Central Asia. Materials of the international scientific conference. Almaty: Dyke-Press, 2006. pp. 10-17 (in Russian).

2.Absattar Haji Derbisali. Islam of peace and creation religion. Historical and philological, theological studies, articles and interviews. Almaty: Daik-Press, 2010. 650 p. (in Russian).

3.Hesse G. Siddhartha. Journey to the Eastland. Moscow: AST, 2008. 340 s. (in Russian).

4.Oldenburg S.F. The connections of the West with the East are ancient ... // East - West. Studies, translations, publications. Issue the first. Moscow: GRVL, 1982. 294 p. (in Russian).

5.Durgheim E. Sociology. Its subject, methods, purpose. Moscow: Canon, 1995. 400 p. (in Russian).

6.Khazratkulov M. Socio-political situation in early Islam and the formation of Muslim law // Collection of scientific articles "The era of Imam A'zam and its significance in the history of culture of the peoples of Central Asia and the Middle East". Dushanbe: 2009. pp. 94-104. (in Russian).



## НЕГАТИВНАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ: ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

Тихонова Лариса Евгеньевна

*начальник управления социальной и воспитательной работы*

*ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»*

*Город Кемерово*

**Аннотация:** Статья посвящена анализу негативной электоральной активности граждан в ходе избирательных кампаний по выборам высших должностных лиц субъектов РФ. Раскрыты факторы, влияющие на негативную электоральную активность. Сделан вывод, что основной проблемой региональных выборов является не низкий уровень явки избирателей, а негативная электоральная активность.

**Ключевые слова:** электоральная активность, региональные выборы, российская государственность, общественное мнение, избирательные кампании.

Проблематика электоральной активности граждан занимает значительное место во взаимоотношениях власти и общества, развитии и укреплении государственности. В данной связи ретроспективное исследование электоральной активности граждан России в контексте новейшей истории избирательной системы страны представляет значительный научный и прикладной интерес. Отечественная общественно-историческая мысль уделяет электоральной активности существенное внимание.

В представлении некоторых авторов, таких как В.Н. Лавриненко [1, с. 350], А.И. Кравченко [2, с. 91], М.А. Василик, И.Е. Тимерманис [3, с. 220], В.А. Мазилев [4, с. 25], электоральная активность представляет собой уровень реализации гражданами активного избирательного права, количественно выражаемый через показатель явки на выборы.

В более широком исследовательском контексте электоральная активность может рассматриваться как одна из составляющих политической (социально-политической) активности населения вообще (отделить чисто политическую активность от социальной достаточно сложно, поэтому использование составного термина в данном случае представляется обоснованным).

Кроме того, электоральная активность характеризуется, именно деятельностью граждан по участию в выборах в качестве избирателей.

В общественно-исторической мысли традиционно сложилось понимание электорального поведения граждан вообще как их действия или бездействия в процессе выборных кампаний [5, с. 112], участия или неучастия в голосовании [6]. При этом электоральное поведение в традиционных научных представлениях совершенно четко дифференцируется на электоральную активность (действие, участие в голосовании) и электоральную пассивность или абсентеизм (отказ от участия в голосовании, бездействие, неявка

на выборы) [7, с. 134].

Тем самым предполагается, что электоральная активность в форме высокой явки на выборы является позитивным явлением, она характеризует общественно-политическую активность индивида, его заинтересованность в политической жизни, социализацию и интегрированность в общество. Кроме того, высокая электоральная активность обуславливает легитимность избранных должностных лиц и органов власти, обеспечивает полноценную обратную связь в механизме социально-политического управления.

Напротив, электоральная пассивность свидетельствует о таких негативных явлениях, как отчуждение граждан от общественно-политической жизни, социальный пессимизм, низкая политическая культура, недоверие к государству и власти, предубежденность в нечестности избирательных кампаний, предопределенности результатов выборов. Допустимым уровнем абсентеизма считается 25-30% от общего числа избирателей [8, с. 14], в противном случае снижается легитимность властных структур, результаты выборов перестают отражать предпочтения большинства граждан.

Однако в новейший период отечественной истории ситуация существенно усложнилась и формально высокая явка на выборы уже не позволяет делать однозначных выводов о высокой электоральной активности со всеми вытекающими положительными последствиями. Кампании по выборам в органы власти и местного самоуправления Российской Федерации в последние 3-4 года ярко демонстрируют новую негативную тенденцию. Часть граждан, явившись на выборы и получив бюллетень, отказываются от конструктивного выражения своих политических предпочтений.

С одной стороны, негативная электоральная активность неравнозначна электоральной пассивности по своим последствиям. Прежде всего, она не приводит к снижению общей явки на выборы, поскольку последняя определяется в соответствии с численностью граждан, получивших бюллетень. Таким образом, негативная электоральная активность все же в некоторой степени способствует легитимности избранных должностных лиц и органов власти. Кроме того, она говорит о наличии определенной заинтересованности в политической жизни, проявлении интереса к выборам, стремлении выразить свою позицию, пусть и не лучшим способом. Видимо, можно утверждать, что граждан, проявляющих негативную электоральную активность, проще при формировании соответствующих условий переориентировать на конструктивное голосование по сравнению с электорально пассивными гражданами.

Негативная электоральная активность также служит в качестве инструмента обратной связи в системе управления, указывая на социально-экономическое либо политическое неблагополучие в той или иной сфере. Высокая доля недействительных из-за преднамеренной порчи бюллетеней должна быть предметом пристального внимания органов государственной власти и управления, т.к. указывает на социальные конфликты, активно выражаемое недовольство значительной части граждан.

Отрицательных характеристик у негативной электоральной активности значительно больше. Вызывающие ее факторы отчасти сходны с абсентеизмом. Как и к неявке на выборы, к намеренной порче или выносу бюллетеней могут подталкивать такие причины, как:

1) отсутствие в числе кандидатов тех партий и политических лидеров, которые выражают потребности, интересы избирателей, проявляющих негативную электоральную активность. Избиратель, решив, что ему «не за кого голосовать», выражает свое отношение намеренной порчей бюллетеня, что во многих случаях служит заменой ныне несуществующему голосованию «против всех кандидатов»;

2) действие распространенного у значительного числа граждан предубеждения, что выборы являются номинальной процедурой, один голос ничего не изменит, результаты голосования якобы заранее predeterminedены [9]. Поэтому на смену серьезному, обдуманному политическому выбору приходит демонстрация собственных негативных эмоций путем размещения на бюллетене нецензурных надписей, имен исторических деятелей, известных артистов или вообще персонажей научной фантастики. Вместо политических предпочтений избиратель демонстрирует раздражение, злобу или же неуместный «юмор».

Наряду с этим, негативная электоральная активность имеет специфические причины. Центральную роль среди них играет характерное для определенной части граждан отчуждение от большинства общества, властных институтов, социума в целом, низкий уровень социальной адаптации. Данные факторы приводят к негативному отношению к выборам, политике в целом, государственной власти и местному самоуправлению.

Мало того, эти настроения активно эксплуатирует так называемая «внесистемная оппозиция», призывающая не просто игнорировать выборы, а именно делать бюллетени недействительными, уничтожать их, будто бы для демонстрации общественного недовольства. Некоторые граждане идут на поводу подобной пропаганды, пытаясь негативной электоральной активностью выразить недовольство властью (и, видимо, собственной жизнью).

Кроме того, негативная электоральная активность в отдельных случаях является реакцией на стимулирование высокой явки административными путями, что вызывает недовольство избирателей, вымещаемое на бюллетене [7, с. 136].

Необходимо отметить, что негативная электоральная активность как относительно новое общественно-политическое явление недостаточно изучено с точки зрения ее факторов, особенностей, социальной базы. В частности, хорошо известно, что электорально пассивные граждане характеризуются в среднем более низким уровнем образования и доходов [5, 10]; низкая электоральная активность присуща молодежи, у старшего поколения электоральная активность наиболее высока и т.д. [6, 9]. Характеристики же граждан, проявляющих негативную электоральную активность, в научной литературе не описаны.

В настоящее время в большинстве регионов имеет место высокая негативная электоральная активность, которая является проблемой для избирательной системы, а также в целом для отношений власти и общества. В отдельных регионах удельный вес некорректно заполненных и не опущенных в урны бюллетеней достигает 3,0-4,0%. Это позволяет утверждать, что основной проблемой региональных выборов современной России является не уровень явки избирателей (он вполне нормален), а расширение негативной электоральной активности. Преодоление сложившейся тенденции возможно лишь на основе комплексного подхода, включая мероприятия по повышению доверия к институту выборов, их прозрачности и открытости.

#### **Список литературы**

1. Лавриненко В.Н., Скрипкина Ж.Б., Юдин В.В. Политология. М.: Волтерс Клувер, 2010. 400 с.
2. Кравченко А.И. Основы социологии и политологии. М.: Проспект, 2014. 350 с.
3. Политология / Под ред. М.А. Василика, И.Е. Тимерманиса. М.: Проспект, 2013. 624 с.
4. Мазилев В.А. Методологические проблемы исследования электоральной активности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2013. №3. С. 23–30.
5. Гудина Ю.В. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика // Политические исследования. 2003. №1. С. 112–122.
6. Бычкова М.Н., Лопатина А.Ф. Электоральная пассивность молодежи: причины и пути преодоления // Connect-Универсум-2009. URL: <http://pr.tsu.ru/articles/145/> (дата обращения 02.08.2017).
7. Зинченко Г.П. От чего зависит электоральная активность молодежи? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. №3. С. 134–136.
8. Сербин М.В. Проблемы повышения электоральной активности молодежи в условиях современной многопартийности в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2011. №29. С. 14–16.
9. Малькевич А.А. Повышение электоральной активности молодежи современной России: проблемы и пути решения // Альманах современной науки и образования. 2007. №7. Ч. II. С. 108–112.
10. Арбатская М.Н. Формула «догоняющего» сравнения. Особенности электоральной активности субъектов федерации в США и РФ // Политэкс. 2011. Т. 7. №3. С. 23–37.

## ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

### УЧЕБНО - ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ БАКИНСКОГО ФИЛИАЛА ПЕРВОГО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ. И.М. СЕЧЕНОВА.

**Херсонский Илья Игоревич**

*Ассистент, ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова, министр  
здрава России (Сеченовский университет) город Москва*

В Азербайджане продолжается процесс реформирования систем образования и здравоохранения. В результате процесса преобразования происходит формирование эффективной системы контроля и управления качеством медицинской помощи; обновление материально-технической базы учреждений здравоохранения и подготовки медицинского персонала в высших образовательных учреждениях. В связи с этим исследование особенностей учебно-профессиональной мотивации студентов-медиков Бакинского филиала Первого МГМУ им. И.М. Сеченова является весьма актуальным.

Мотивация учебно-профессиональной деятельности является одним из важнейших факторов эффективности обучения студента-медика. Можно выделить целый ряд факторов, влияющих на эффективную мотивацию личности студента-медика. Одним из таких факторов является тревожность личности. Рассматривая данный аспект можно выделить, как положительную так и отрицательную сторону данного аспекта. С одной стороны, адекватный уровень тревожности помогает достигать успеха. С другой стороны, высокий или низкий уровень тревожности, не позволяет адекватно оценивать свои возможности и способствует снижению учебной мотивации студентов-медиков.

Мотивационную сферу личности составляют не столько актуальные потребности и мотивы, сколько латентные мотивационные образования называемые В.И. Ковалёвым и другими авторами потенциальными мотивами. Следовательно, мотивационная сфера личности сама является латентным образованием, в котором конкретные мотивы, как временные функциональные образования проявляются лишь эпизодически, всё время сменяя друг друга [2].

В Сваю очередь, В.А. Ядов учитывает прежде всего, общепсихологические особенности структуры личности и относит мотивационную систему личности к социально – психологической. [1].

Также следует отметить, что особое влияние тревогогенных факторов на процесс мотивации. В настоящее время существует множество определений тревожности, но в данном исследовании мы отталкиваемся от определения А.М. Прихожан, которая определяет тревожность как переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием не благополучия,

предчувствием грядущей опасности. Различают тревожность как эмоциональное состояние и как устойчивое свойство, черту личности или темперамента. [4].

А.В. Бердыган описывала динамику профессиональной мотивации студентов, где выделила ряд особенностей формирования мотивации. Ценностно-смысловая характеристика профессиональной мотивации является динамическим образованием, которое подчиняется определенным закономерностям и может изменяться в процессе целенаправленного психолого-педагогического воздействия в сторону профессиональной реальности. Особенности когнитивной характеристики профессиональной мотивации проявляются в наличии и выраженности в категориальной системе их сознания представлений и целевых объектов, отражающих принадлежность к профессии, стремление к достижению трудового успеха. Эмоциональная характеристика отражает повышение к последнему году обучения внутренней мотивации, а также усиление побуждений к самореализации и формированию личностного отношения к профессии [2].

Как известно любая профессиональная деятельность начинается с обучения и овладения будущей профессией, следовательно, изучение учебной мотивации будущих медиков является весьма актуальным.

Для исследования мотивации студентов - медиков была использована методика Т.И. Ильиной «изучение мотивации обучения в вузе». Исследование проходило в осеннем семестре 2016 года. В исследовании участвовали 100 студентов второго курса Бакинского филиала Первого МГМУ им.И.М. Сеченова. Проведённое исследование позволило выделить два актуальных для студентов-медиков мотива: это овладение профессией и приобретение знаний. Следовательно можно сказать о том, большинство студентов-медиков Бакинского филиала Первого МГМУ им.И.М. Сеченова мотивированны на овладение профессией врача и получение соответствующих знаний.

#### **Список литературы:**

1. Аверин В.А. Психология личности [Электронный ресурс] (<http://www.psychodic.ru/arc.php?page=236>). (дата обращения: 25.07.2017)
2. Бердыган, А.В. Динамика профессиональной мотивации студентов [Электронный ресурс] / А.В. Бердыган // Научная библиотека КиберЛенинка/ — (<http://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-soderzhaniya-professionalnoy-motivatsii-studentov#ixzz3QKkXlxs0>)/ (дата обращения: 25.07.2017).
3. Ковалёв В. Искусство мотивации – Харьков: Гармония 2001. 64 с
4. Ю.В.Клепач, О.О.Разуваева, Известия ВГПУ. Педагогические науки № 4 (269), 2015.

## ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

### КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА *ДОМ* КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Сегал Н.А.

*Крымский федеральный университет  
им. В.И.Вернадского факультет славянской филологии и журнали-  
стики кафедра русского, славянского и общего языкознания, Симферополь,*

Зиятдинова С.А.

*Крымский федеральный университет  
им. В.И.Вернадского факультет славянской филологии и журнали-  
стики кафедра русского, славянского и общего языкознания, Симферополь*

В современных гуманитарных исследованиях обращается все большее внимание на базовые, ключевые категории культуры. Для русской языковой традиции одной из таких единиц, бесспорно, является ключевая единица *дом*. Изучение места ключевой единицы *дом* в русской культуре и её значения в национальном сознании стоит начать с того момента, когда основные концепты только начали зарождаться. Ярким примером является древний фольклор, в частности, славянская мифология. Так, в словаре *дом* описывается как место / центр нахождения жизненной энергии, счастья, единства семьи, подразумевающего и ушедшие поколения рода. *Дом* ассоциировался в первую очередь с защитой и противопоставлялся окружающему миру, миру полному врагов, духов, нечисти, различных стихий. Основными частями жилища считались красный угол – место веры – и печь. Углу придавалось столь большое значение, что со временем во многих текстах слово стало употребляться именно в значениях *дома*, жилища. В некоторых обрядах *дом* символизируют порог, потолочная балка (матица), т.е. места, являющиеся границей между внешним и внутренним миром, и стол, воплощающий благосостояние и духовность семьи. Отметим, что двери противопоставлялись окна и печная труба, как выходы из жилища. Многие ученые в своих работах указывают на сакральность характера выбора места строительства, а также материала и времени. Место обитания человека должно быть защищено от вреда, смерти, нечистой силы. В славянской мифологии *дом* обозначал жизнь, и любое переселение уподоблялось в некотором роде смерти. Позже стало считаться, что новый *дом* «омывается» чьей-либо смертью или любым другим событием жизненного цикла, поэтому стремились после переезда как можно скорее справить свадьбу [11, с. 169-170].

В своей работе «Слово и дело» В.В. Колесов говорит о том, что сначала человек вычленяет из слова образ. Например, когда человек слышит слово *дом*, в его сознании возникает определенное представление. Хотя у разных людей образы разные, все они символичны, что обусловлено национальным сознанием. Другими словами, как бы человек не представил *дом*, это понятие всегда будет ассоциироваться с защитой, близкими людьми и т.п. Далее

В.В. Колесов описывает семантическое развитие значений слова *дом*. Первым, в этой последовательности, является значение «кров» / «жилье», затем – «семья», потом *дом* начал употребляться в значении «имущество» или «хозяйство», и наконец появилось определение «здание». Автор обращает внимание на то, что в текстах до XV в. каждой дефиниции была присуща всегда одна и та же определенная грамматическая форма, в связи с чем ранее семантика слова не выделялась из семантики словоформы. В народном сознании всякое значение *дома* ассоциировалось с конкретными словами. Таким образом, через синтагму эксплицировалось конкретное определение слова. Например, *дом* в значении «кров» употреблялся в сочетании с притяжательным местоимением и глаголами движения (*иди въдомъ свои*), а «семья» с местоимением *весь* (*въсьдомъ свой*). «Хозяйство» характеризовалось формами Им. и Вин. падежей и отсутствием определений (*прилагатидомъ к дому*), «здание» наоборот всегда употреблялось с уточняющим определением, чаще всего после глагола действия (*велицидомы, сътворитидомъ*). В нескольких древнерусских текстах слова *дым*, *дом* и *двор* имеют тождественное значение «имущество», что доказывает размытость семантических границ некоторых понятий. В целом, автор подводит к тому, что история человека влияет на изменение значения понятия *дома*, а также, что заданный в слове образ (жилье, созданное человеком) постоянно развивается и расширяется [5, с. 5,117-119].

В словарной статье «Словаря константы русской культуры» совмещаются такие понятия, как *дом* и *уют*. В отличие от предыдущих исследований и работ здесь раскрываются не понятия, с которыми так или иначе связан *дом*, а концепт, неотъемлемой частью которого он является. Слово *уют* сравнительно недавно произошло и связывается с более ранними словами *ютить* и *укромный*. При этом глагол обозначал «выделять угол (в значении *дома*), дать пристанище». Так, Ю.С. Степанов на примере нескольких контекстов замечает, что прилагательные с этимологически общим корнем, соотносимым со значением уюта, чаще всего образуют синтагмы со словами *дом*, *угол*. Неразрывными с рассматриваемым концептом являются ассоциации «со “своим”, только себе принадлежащим небольшим пространством, как-то отгороженным [...] от внешнего мира и [...] защищенным “уголком”, где тепло, где покой и не снуют посторонние люди» [12, с. 695]. Слово *уют* стоит в одном синонимическом ряду с *домашность*. В отличие от других языков, в которых этимология рассматриваемого понятия сближается со значениями крыши, свода, купола (на примере латышского языка), в современном русском употреблении слово *уютный* может относиться к человеку. Ю.С. Степанов отмечает важную деталь, что в понятии *уют* наравне с семантическим присутствует психологический компонент – ощущение своего *дома*. На более ранних этапах развития русской культуры неотъемлемой частью *юта* являлся ребенок, дети. В современном русском языке понятие «уютный уголок» утрачивает семы защиты, отгороженности, внутренней гармонии *дома* и начинает соотноситься с представлениями об интерьере.



Таким образом, *дом* переходит в разряд материальной культуры, уступая место концепту *уют*. Тем не менее, *дом* ассоциируется с родной стороной, когда человек оказывается на чужбине. В повседневной жизни *дом* является фактически одной из сторон света, точнее, одним из ориентиров в макропространстве, выраженном городом или страной [12, с. 696].

Немаловажным аспектом для создания целостной картины отражения ключевой единицы *дом* в народном сознании является паремиологическое поле лексем. Другими словами, множество пословиц, поговорок и т.д. Это позволит выяснить актуальные для того или иного периода времени признаки концепта. Существует немало паремий, что, вероятно, обуславливает задействие основных значений понятия *дом*. Например, пословицы, определяющие дом как строение для жилья: *Хоть худ дом, да крыша крепка; Дом – чаша чашей. Дом* в значении «семья, хозяева»: *Что поставят, то и кушай, а хозяина дома слушай!; Хозяин в дому, что медведь в бору; хозяйюшка в дому, что оладышек в меду. Дом – малая родина: Свой дом – не чужой: из него не уйдешь; В гостях хорошо, а дома лучше.* В целом, в контекстах концепт *дом* имеет положительную коннотацию. В русских загадках *дом* или его части нередко отождествляются с живым существом. Н. В. Уфимцевой, проводившая сопоставительное исследование языкового сознания славян, вывела, что у русских концепт *дом* стоит на третьем месте, после столь важных понятий, как *жизнь, человек*, у белорусов – на четвертом, у украинцев – на шестом. По некоторым данным для современного человека *дом* продолжает ассоциироваться с семейным очагом, символом покоя и защиты. При этом связь с ранними архаичными представлениями в понимании людей о *доме* практически не утратилась, хотя подверглась изменениям.

В научной статье «Нарратив дома в пространстве культуры оседлости и номадности» А.В. Шляков исследует возможные характеристики, обозначающие бродячий, кочевой образ жизни, в понятии *дом*, который семантически обозначает неизменность, неподвижность. Автор замечает, что в трудах современных ученых *дом* определяется как место события человека: человека и мира, человеческого времени-памяти и человеческого пространства – обитаемого космоса [9, с. 206]. Согласно точке зрения С. В. Климовой, *дом* является границей приватного и публичного бытия, что выводится из противопоставления одомашненного пространства, замкнутого на самом себе, безбрежному миру [4]. В сущности *дома*, по мнению исследователя, содержится больше женского, чем мужского, т.е. больше оседлого, чем странствующего, движущегося. При этом понятие *дома* двустороннее: то, что находит место и сохраняется в оседлости, приходит из пространства, расположенного за пределами *дома*. Также отмечено, что ранее *дом* больше соотносился с ковчегом, а позднее стал сравниваться с гнездом, т.к. корабль стал обозначать лишь временную безопасность. В своём исследовании А.В. Шляков приводит определение *дома*, закрепившееся в современном

психоанализе: «Дом – это проекция личностных свойств, черт, эманация человеческой природы» [7, с. 134]. Таким образом, отдельные вещи, предметы интерьера и даже части *дома* являются чертами, способными говорить о нём и часто олицетворяемые в произведениях. Наконец, при переходе от индустриального общества к ситуации постмодерна меняется концепт *дома*, он утрачивает традиционные функции и рассматривается не как место для отдыха, а как временная остановка, точка, нуждающаяся в преодолении. «Дом сегодня не помогает сформировать образ внешнего мира во мне, а выступает как точка сингулярности, через которую происходит рассеивание “Я” в мире» [13].

В исследовании «Лингвокультурный аспект изучения фразеологических единиц, репрезентирующих концепт *дом* в русском языке» Б. Г. Глозман на основании анализа творчества некоторых писателей показывает, как отражается понимание *дома* в русской языковой картине мира. Так, по наблюдению ученого, Л.Н. Толстой вкладывал в это слово значение природы и мира в целом, т.е. понятия, обозначающие пространство, Б. Г. Глозман путем изучения и рассмотрения ряда фразеологизмов замечает, что лексема *дом*, как и её синонимы, в фразеологических единицах может заменяться синекдохическими образами, т.е. частями *дома*: во фразеологизмах со словом *дом* чаще всего заключён скрытый духовный смысл. Автор отмечает, что многие считают, что ментальность русского народа обусловлена религией, но в соответствующих фразеологических единицах, содержащих лексему *дом*, тема *религии* занимает немного места. Еще одним стереотипом является наличие общинного духа и народного коллективизма, однако анализ контекстов доказывает обратное: стремление человека к частной жизни, собственнические мотивы, доходящие порой до эгоизма. Более того, описывается много примеров, в которых запечатлено маскулинное сознание, а фразеологические единицы с женщинами больше чем в половине случаев имеют отрицательную коннотацию, что опровергает упомянутое выше соотношение *дома* с женщиной. Таким образом, восстанавливая концепты, их утраченные, прежние смыслы, ученые лингвисты «участвуют в построении здания родного языка, по выражению М. Хайдеггера, являющегося *домом* нашего бытия» [3].

В научной статье «Артефакты как составляющая культурного концепта Севастополь» Т.А. Ященко и Ж.А. Руденко на основании анализа ключевых образов культурного концепта города объясняет значимость роли артефактов. Артефактами называются неосновные предметные концепты, окружающие основную смысловую единицу или сопутствующие ей. Так, *дом* в исследовании выводится как один из имен-артефактов к концепту *город*. Далее автор отмечает, что описание какого-либо образа может быть реализовано без прямого его называния, путем создания с помощью определенных топонимов, андронимов и артефактов. Иными словами, в сознании реципиента возникает ассоциативный ряд, воссоздающий описываемый концепт.

Как отмечают ученые, «предметный референции наполнены богатым культурным содержанием. При этом объектом лингвокультурологического анализа становятся межкультурные ассоциации...» [15, с. 206-213,]. В научной статье «Концепт *дом* в индивидуально-авторской картине мира А.А. Ахматовой» Л.А. Базылова описывает составляющие микрополя *дом – жизненное пространство*. Сюда она относит 1. границы, части *дома*; 2. мебель, атрибуты *дома*. «Зачастую внутреннее убранство *дома*, детали домашнего интерьера отражают внутреннее состояние и образ жизни героя»; 3. пространство вокруг *дома*; 4. бытие, жизнь в *доме*. Также в своём исследовании Л.А. Базылова описывает еще одно лексическое значение, не упоминаемое ранее: *дом – антидом*. Оно актуализируется когда пространство *дома* меняется и приобретает семы, противоположные семам первичного значения, «нежилой», «опасный», «потусторонний» и т.д. Репрезентантами этой дефиниции *дома* являются образы тюрьмы, подвала, подземелья, могилы и иные языковые единицы [1, с.202-209.]

В книге «Каузация в русском языковом сознании» в одном из подразделов Т.А. Яценко исследует метафору пристанище, что, на наш взгляд, можно рассматривать в рамках образа *дом*. Автор соотносит изучаемый образ с представлением о цели как благополучном завершении. Далее пристанище представляется в синонимическом ряду со словами пристань, прибежище, приют, имеющими общую сему 'спасение'. Чаще всего эта метафора используется в контексте путешествий по воде, где море ассоциируется с жизнью, а берега с Господом и, следовательно, спасением. Второе Т.А. Яценко раскрывает на примере художественных образов Г. Сковороды. Далее описана связь между словами пристанище и пристань и явление энантиосемии в некоторой части значений «приставать, пристать» – словарной статьи, в которую они включены. Это выражено пунктами: «не давать покою» и следующим «остановиться (о судах), причалить». Однако, при отнесении понятия *пристать* к лошадям появляется значение «притомиться, выбиться из сил, умориться и стать, не смочь везти далее». Здесь замечаем новую сему 'отдых'. Принимая во внимание поговорку «Жить – колотиться, помереть – дойти до пристанища», Т.А. Яценко выделяет целевую сему: 'то, к чему стремятся, чтобы найти покой', что также подтверждается стихотворением А.С. Пушкина. Затем автор на примерах объясняет образы гавани, пристани и берега как цели духовного движения в произведениях Г. Сковороды, который сравнивает обретение Божьей воли с обретением гавани: «гаванью называется и ремесло, которое дает счастливую жизнь простому ремесленнику, в отличие от богача, жизнь которого уподобляется кораблекрушению» [14, с. 370]. Автор рассматривает значение пристанища в современных словарях и примерах, из чего заключает, что главные семы слов данной тематической группы не утрачивают актуальности на протяжении длительного исторического периода.

Рассмотрение лексемы *дом* как пространства затрагивает В. Г. Гак в своей статье «Пространство вне пространства». Здесь *дом* является одним

из понятий, от которых происходят пространственные номинации, образующие четыре концентрических расширяющихся круга (*человек – дом – страна – мир*). Автор объясняет *дом* как замкнутое пространство, ближайшее к человеку, в котором пределом является потолок, непосредственно стены представляют собой замкнутое пространство, порог – начало нового пространства (у – перед, за – вне). Очаг – центр, дорога вокруг *дома* является границей, окно рассматривается как промежуток в однородной поверхности. *Дом* определяется как строение, однако его детали и он в целом имеют символические значения, сложившиеся много веков назад и сохранившиеся до сих пор. В.Г. Гак замечает, что «понятие “домашний” может обозначать “внутренний”» [2, с. 129]. Через место может описываться действие или профессия действующего лица. В целом, пространство создается вокруг человека, находящегося в центре макро- и микрокосмоса, с антропоцентрической точки зрения. Это обусловило его место в основе формирования многих типов номинаций, которые могут относиться и к непространственным сферам. Познание начинается и завершается пространством.

Символику дома затрагивает В.А. Маслова в учебном пособии «Лингвокультурология». Автор подчеркивает большое количество символов у поэтов и писателей, среди которых *дом* и его составляющие занимают значимое место: символ сада у А. Чехова, дыма – у Ф. Тютчева, символ *дома* (в значении семьи) – у Л.Н. Толстого, *дома* (в значении Родины, государства) – у С. Есенина, *дома* (в значении места проживания, родного места) – у М. Цветаевой, символы границы, порога и т.д. Один и тот же объект может быть символом чего-то или наоборот, что-то может его символизировать. Примером может являться слово *дом*, которое является символом ряда понятий, но, с другой стороны, *гнездо* является символом *семейства*, *дома*. В исследовании отмечено, что адресат у символа отсутствует, т.к. «он обращен ко всем носителям языка» [6]. Немаловажное место занимает образ *дом* в русской рок-поэзии. А. В. Скобелев в статье «Образ дома в поэтической системе В. Высоцкого» рассматривает концепт в творчестве известного русского поэта и музыканта. По словам автора «топос *дома* важен в любой поэтической системе, т.к. [...] именно он призван выразить некоторые существеннейшие моменты самоощущения человека в мире, “жилой зоной” которого *дом* и является» [10, с. 119.]. Автор статьи выделяет два основных вида сказочного *дома* у поэта: «высокий терем», «здание ужасное», «дом хрустальный на горе», в котором заточена женщина, и «большой *дом*», где «не смотрят на тебя с укорами» – мужской, братский, - «всегда твой *дом*». В русской традиции *дом* как безопасное, знакомое, связанное с человеком место противопоставляется чужому, незнакомому, отрицательному пространству. А.В. Скобелев указывает на оппозицию «заколдованный дикий лес», «откуда уйти невозможно» – «дворец», «светлый терем», где беглецов «найти невозможно». Также в статье упоминается, что в фольклорной сказке *лес* является противоположностью *дому*. В поэзии В. Высоцкого во всех контекстах *дом* оказывается опасным, пугающим, гиблым местом, в

связи с чем приобретает отрицательную маркировку, чему автор приводит большое количество примеров. Кроме этого мировоззренческой спецификой творчества и характеристиками, которые не свойственны образу, объясняется иронико-трагедийное понимание *дома*. Исключая из внимания традиционные противопоставления рассматриваемого образа другим сферам, А.В. Скобелев отмечает, что для В. Высоцкого *дом* обозначает «нулевую, срединную точку жизненного пространства и потому статичен, что означает стабильную неподвижность самого *дома* и человека в нем». Эта точка зрения создает основу образующимся оппозициям неподвижность – движение, замкнутое пространство – свободный простор, частично *дом* – дорога. Однако сам поэт не проводит между понятиями *дом* и *дорога* причинно-следственные связи и чаще всего использует их отдельно друг от друга. Далее автор статьи с опорой на примеры характеризует родной *дом* в понимании В. Высоцкого как срединную точку, находящуюся между верхом и низом, тьмой и светом, откуда должно начаться освобождающее движение. Освобождение в стихотворениях является постоянным мотивом поэзии, а *дом* соотносится с тюрьмой, также в построении и развитии лирического сюжета играют роль холод, тюрьма-утроба, тоннель, стена и коридор. Освобождение из замкнутого пространства В. Высоцкий описывает через картины уничтожения *дома*, реализуемое в нескольких вариациях. Самым простым и часто используемым способом является прямое физическое разрушение, осуществляемое нашествием разнообразных чужаков. А. В. Скобелев приводит большое количество контекстов, где *дом* уничтожается посредством пожаров или оказывается оставленным из-за забвения, постигшего лирического героя. Встречается несколько стихотворений, в которых поэт пишет о возвращении в собственный *дом*, который оказывается чужим и с новым хозяином. Одним из важных, по словам автора статьи, артефактов концепта *дом* является *дверь*, символизирующая границу, вход и выход. Данная бинарная оппозиция занимает значительное место в поэтической системе В. Высоцкого, при этом выход выделяется в отдельную тему, т.к. представляет особые трудности и во многих стихотворениях является основной целью лирического героя [10, с. 119-121].

Во многом отличается представление о *доме* других рок-поэтов. В статье «Русская рок-поэзия в процессе самоопределения поколения 70-80-х годов» Н.К. Нежданова описывает перекликающиеся восприятия образа И. Кормильцева и В. Цоя, которые видели возможным создание нового *дома* только после уничтожения старого, разрушения всех прежних семейных связей. Также в стихотворениях А. Макаревича разрушение этого символического места соотносится с перерождением, очищением; для К. Кинчева возвращение *домой* является логическим завершением долгого пути, выпавшего на долю лирического героя. Автор статьи замечает, что для рассматриваемых рок-поэтов остаются неизменными три понятия – *дом*, любовь и дружба. В некоторых контекстах они объясняются друг через друга, как, например, у Б. Гребенщикова «А любовь как метод вернуться *домой*...», где

любовь объясняется как универсальный и единственно доступный способ вернуться к себе. Стоит отметить, что в поэты не ограничивались описанием *дома* и активно использовала тему пространства, поднимая проблемы поиска себя. «Мир природы в рок-поэзии не одномерен. Он космичен по своей структуре: верх-низ-круг» [8, с.39-55.].

Таким образом, можно сделать вывод, что в русской культуре образ *дома* приобрел неизменные ассоциации с жизнью, защитой, покоем, близкими людьми. Лексема широко употребляется в паремиологии и может иметь различную коннотацию в зависимости от контекста, в котором она реализуется. Большое значение имеют артефакты как составляющая конкретного образа, что обусловлено раскрытием богатого культурного содержания. Как показал анализ, чаще всего *дом* соотносится с *уютом*, *пристанищем* и *центром мироздания* и рассматривается в оппозиции с *дорогой*, *лесом*.

Таким образом, *дом* в русском языковом сознании в первую очередь считается исходной точкой жизненного пространства, от которой начинается движение субъекта по выбранному им направлению, что, несомненно, показывает его ценность и значимость в русской культурной традиции.

### Список литературы

1. *Базылова Л.А.* Концепт дом в индивидуально-авторской картине мира А.А. Ахматовой / Л.А. Базылова // Вестник Челябинского гос. пед. университета. – 2009. - №6.

2. *Гак В.Г.* Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.

3. *Глозман Б.Г.* Лингвокультурный аспект изучения фразеологических единиц, репрезентующих концепт «дом» в русском языке [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук (20.12.2010) / Глозман Борис Григорьевич; ГОУ ВПО Оренбургский гос. пед. университет. – Ижевск, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/lingvokulturnyy-aspekt-izucheniya-frazeologicheskikh-edinits-reprezentuyuschih-kontsept-dom-v-russkom-yazyke>

4. *Климова С.В.* Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома / С.В. Климова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html>

5. *Колесов В.В.* Слово и дело: Из истории русских слов / В.В. Колесов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 703с.

6. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Linguist/maslova/04.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/04.php)

7. Менегетти А. Мир образов. Краткое пособие по интерпретации образов и сновидений / А. Менегетти. – М.: ННБФ Онтопсихология, 2008. – 256 с.

8. Нежданова Н.К. Русская рок-поэзия в процессе самоопределения поколения 70-80-х годов / Н.К. Нежданова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 1998. - №2.

9. Разова Л.Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека / Л.Л. Разова // VitaCogitans: альманах молодых философов. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – Вып. 1.

10. Скобелев А.В. Образ дома в поэтической системе Высоцкого / А.В. Скобелев // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. – М., 1999. – Вып. №3. Т. 2.

11. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / [подгот. сотрудниками Ин-та славяноведения и балканистики РАН; науч. ред. В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая]. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416с.

12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов // Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824с.

13. Шляков А.В. Нарратив дома в пространстве культуры оседлости и номадности / А.В. Шляков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. - №2. – С.219-221. Научная статья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/narrativ-doma-v-prostranstve-kultury-osedlosti-i-nomadnosti>

14. Яценко Т.А. Каузация в русском языковом сознании: монография / Т.А. Яценко. – Симферополь: «ДИАЙПИ», 2006. – 478 с.

15. Яценко Т.А., Руденко Ж.А. Артефакты как составляющая культурного концепта Севастополь / Т.А. Яценко, Ж.А. Руденко // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Соц. коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63) №1. Часть 1.

## **ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ**

**Ёрова Сайёра Каримовна**

*преподаватель английского языка, Самаркандский  
государственный медицинский институт*

**Аннотация.** В данной статье автор исследует концепт «здоровье» и его отражение в языковых единицах английского языка. Автор проводит глубокий лингвистический анализ концепта «здоровье» на материале фразеологических единиц и пословиц английского языка. Теоретическая часть исследования подтверждается примерами отрывков из англоязычной художественной литературы.

**Ключевые слова:** концепт, здоровье, анализ, фразеологическая единица, пословица, лингвокультура.

**Abstract.** In the present article the author examines the concept “health” and its actualization in the English language units. The author makes a deep linguistic analysis of the concept “health” on the material of English phraseological units and proverbs. Theoretical part of investigation is proved by numerous examples from English literary texts.

**Key words:** concept, health, analysis, phraseological unit, proverb, lingual culture.

Объектом исследования данной статьи является лингвистическая сущность концепта «здоровье» в английской языковой культуре, выявленная на материале фразеологических единиц и пословиц английского языка. Тема исследования актуальна и интересна. Она не утрачивает своей актуальности ещё и потому, что здоровье является важнейшей ценностью в жизни любого человека. Материалом исследования послужили английский фразеологические единицы и пословицы, характеризующие состояние здоровья человека. Английская языковая система изобилует такими единицами.

Корпус концепта «здоровье» составляют следующие составные части:

- 1) Самочувствие человека
- 2) Физическое состояние человека
- 3) Внешность человека с точки зрения здоровья (здоровый вид и нездоровый вид)
- 4) Душевное (или психическое) здоровье человека.

В толковом словаре И.В. Даль термин «концепт» толкуется следующим образом: «Здоровье – состоянье животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке, отсутствие недуга, болезни» [1, с. 189].

С.И. Ожегов даёт следующее определение концепта «здоровье»: «Правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» [2, с. 203].

Оксфордский словарь даёт следующее объяснение этому концепту: «health – physical or mental well-being, freedom from disease, pain, or defect, normalcy of physical and mental functions, soundness» [3, p. 74], т.е. «здоровье – это хорошее физическое или душевное самочувствие, отсутствие болезни, боли, дефекта, нормальное функционирование физических и ментальных процессов».

Словарь Webster’s New Dictionary определяет исследуемый концепт как: «health – the state of being physically and mentally healthy» [5, p. 89], «здоровье – обладание хорошим физическим и душевным самочувствием».

Основываясь на вышеуказанные словарные дефиниции, можно заключить, что здоровье – это обладание хорошим физическим и психическим самочувствием и отсутствие различных заболеваний.

Сущность концепта «здоровье» составляют следующие понятия:



- Здоровое тело
- Правильное функционирование человеческого организма;
- Физическая сила;
- Психическое здоровье;
- Хорошее душевное состояние, включая настроение и темперамент;
- Адекватное поведение;
- Трудовая способность;
- Социальная деятельность.

Здоровое физическое состояние человека характеризуется английскими фразеологизмами, обозначающими обладание крепким здоровьем: *to build up one's health, strong health*. Противоположным значением обладает выражение *fragile* (или *frail*) *health* – слабое или плохое здоровье. В английском языке существует много фразеологических единиц, указывающих на сбой здорового функционирования человеческого организма, приводящего к потере здоровья: *to ruin one's health, break/break down health, to wear down health, to undermine health, to last out health*.

Однако здоровье человека может быть восстановлено, что отражается в следующих фразеологических выражениях: *to restore/to recover health, bring back health, pick up health, to repair health*.

Фразеологизмы о здоровье призывают людей сохранять здоровье в хорошем состоянии: *keep good health/to preserve health*.

Здоровье – это неоспоримая ценность в жизни человека. Вот почему, самые лучшие пожелания связаны с крепким здоровьем: *to wish somebody health* – пожелать кому-либо здоровье; *propose the health of somebody* – провозгласить тост за чье-либо здоровье; *drink somebody's health* – пить за чье-либо здоровье; *(to) your health* – (за) ваше здоровье.

Фразеологизмы-прилагательные, обозначающие здоровье: *useful for health* – полезный для здоровья; *beneficial to health* – полезный, ценный для здоровья; *hazardous for one's health* – нежелательный для здоровья; *hurtful for one's health* – вредный для здоровья; *harmful for one's health* – вредный для здоровья; *injurious to health* – ущербный, вредный для здоровья, etc.

Фразеологизмы-глаголы, связанные со здоровьем: *to worry about one's health* – беспокоиться о здоровье; *to recover one's health* – поправиться, восстановить здоровье; *to improve health* – улучшить состояние здоровья; *to tell upon health* – поговорить о здоровье, проконсультироваться; *to repair health* – восстановить здоровье, etc.

Фразеологизм-эвфемизм *in a delicate state of health* означает беременность женщины. Хорошее самочувствие и здоровая внешность передается семантикой фразеологической единицы *safe and sound* – цел и невредим, жив и здоров.

At other times she would... assure herself that things were not so bad – that certainly she would come out safe and sound (Th. Dreiser, “Sister Carrie”, p. 128).

Аналогичным значением обладает выражение *to radiate health* – сиять

здоровьем, пышущий здоровьем. Почему же в анализе концепта «здоровье» приходится прибегать к внешности? Здесь, конечно же, не имеется в виду красивая внешность, а подразумевается здоровый внешний вид человека. Здоровая внешность ассоциируется со свежим и здоровым цветом лица: *to bloom healthy* – цвести здоровьем; *fresh as a daisy* – свежий, цветущий организм; *to look fresh* – иметь свежий, не уставший вид, etc.

Can you see him blooming healthy? (Th. Dreiser, “Sister Carrie”, p. 34)

В характеристике здорового внешнего вида в структуре фразеологических единиц используются цвета: *rosy cheeks* – розовые щёки, кровь с молоком; *fresh as a daisy* (или *paint*) – цветущий, пышущий здоровьем; *to be in the green* – цвести здоровьем, иметь свежий, бодрый вид; *have roses in one’s cheeks* – румянец во всю щеку, кровь с молоком. Как видно из примеров, розовый и зеленый цвета становятся самыми популярными в описании здоровой внешности человека.

She was so bright with her rosy cheeks (S.W. Maugham, “The Moon and Sixpence”, p.69).

Исследование концепта «здоровья» на примере английских фразеологизмов и пословиц выявило три основных типа состояний здоровья [3, с. 77-78]:

1) хорошее здоровье: *to be in health* – быть здоровым, в добром здравии; *possessing good health* – обладание хорошим здоровьем; *possessing normal health* – обладание неплохим здоровьем;

2) слабое здоровье: *to look tired* – выглядеть усталым; *to possess tiredness* – иметь чувство усталости; *to be unhealthy* – быть нездоровым, больным;

3) плохое здоровье: *be in poor health* – иметь плохое здоровье; *to possess bad health* – иметь плохое здоровье, болеть; *to be in illness* – болеть, быть в плохом состоянии здоровья; *to feel sick* – плохо себя чувствовать; *to be ill* – болеть; *broken in health* – с подорванным здоровьем.

Dan Haxby found him penniless and broken in health (K. Richard, “Haxby’s Circus”, p. 23).

Английские пословицы о здоровье учат человека сохранить его:

1. В английской пословице *An apple a day keeps the doctor away* (букв. Одно яблоко в день сохранит доктора снаружи) рекомендуется ежедневное употребление яблока. Интересным фактом является отсутствие эквивалента этой пословицы в других языках.

2. Советуется хороший отдых и сон: *Good rest is half the health* (букв. Хороший отдых – половина здоровья). Действительно, человеку необходимо хорошо отдохнуть, чтобы накопить силы и энергию.

3. Призывается употребление здоровой пищи, т.е. пищи, полезной для здоровья человека: *You are what you eat* (букв. Ты должен следить за тем, что кушаешь). Пища играет важнейшую роль в функционировании человеческого организма.

Таким образом, концепт «здоровье» состоит из нескольких составляю-

щих понятий. В любой языковой системе, включая английский язык, существует большое количество фразеологических единиц и пословиц, являющихся базовым материалом для исследования этого «жизненно важного» концепта.

### **Список литературы:**

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 томах / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1978. Т. 1. – 699 е., Т.2. – 779 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов, 7500 фразеологических выражений. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. РОС. АН. Ин-т рус. яз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1994. – 907 с.
3. Л. В. Туленинова. Концепты "здоровье" и "болезнь" в английской и русской лингвокультурах. // Дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 168 с.
4. Oxford word power dictionary. / Ed. By Sally Wehmeier. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 746 p.
5. Webster's New World Dictionary & Thesaurus Text. – Accent Software International: Macmillan Publishers. – Version 2.0 – 1998. – 943 p.

## **ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА**

**Бакиева Г.Х.**

*Доктор филологических наук, профессор,  
Узбекский государственный университет мировых языков,  
Узбекистан*

Художественный текст, будучи макроединицей синтаксиса, обладает структурной иерархической организацией. Подлинно художественный текст не допускает ни пропусков, ни замены своих элементов без ущерба для его восприятия, и пропуски и замены деформируют как понимание, так и эстетические качества художественного текста. Структурный параллелизм текстовых и личностных характеристик позволил Ю.М. Логману определить текст любого уровня как семиотическую личность, а личность на любом социокультурном уровне рассматривать как текст [4, с. 610]. Такой подход подвел ученого к выводу о том, что поскольку смыслообразование невозможно в статической системе, то акт творческого сознания всегда акт коммуникации, информационного обмена. В ходе информационного обмена исходное сообщение трансформируется в новое.

Этим вызывается к жизни два встречных процесса. С одной стороны, нуждаясь в партнере, культура постоянно создает собственными усилиями этого «чужого», носителя другого сознания, иначе кодирующего мир и тексты. Этот создаваемый в недрах культуры - в основном по контрасту с ее

собственными доминирующими кодами - образ экстериоризируется ею вовне и проецируется навне ее лежащие культурные миры.

Корректное описание "картины мира" - семантической системы, включающей в себя социальный и индивидуальный опыт носителей русского языка, имеет посылкой для существования исследуемых понятий наличие в сознании носителей русского языка семантики как целостного объекта, возникшего в сознании в результате отражения действительности, частей объекта (семантических полей) и зависимостей между частями (семантическими полями), в частности, взаимозависимостей. Только три перечисленных выше понятия, но не действия исследователя над текстом, подлежат компетенции лингвистической теории.

Картина мира - система репрезентации реальности. Реальность понимается не в онтологическом смысле: под этим термином понимают все то, о чем человек может высказаться; все классы существующих, (воображаемых, фиктивных) объектов, которые он способен различать и которые может представить себе (в этом случае говорят о "непосредственной реальности"); кроме того, под этим понимаются также все объекты, которые можно постичь разумом и которые могут быть столь абстрактны, что их нельзя представить (в этом случае говорят об "опосредованной реальности"), причем термин объект понимается здесь в самом широком смысле, как обозначающий не только вещи, качества, процессы, но также интеллектуальные и эмоциональные свойства

Все концептуальное содержание языка, взятое в своей совокупности, и составляет картину мира, репрезентацию всей действительности.

Подводя итог исследованию понятий референции и внутренней формы, или картины мира, сформулируем проблему следующим образом: понятия картины мира (категории или класса) вытекают из природы рассматриваемого объекта в очень общем виде эту проблему можно назвать "проблемой эмпиризма" [1, с. 125]. Действительно, расчленение картины мира на сегменты и их вхождение в иерархию как дериватов - результат социального опыта носителей данного языка, опосредованного речевой деятельностью. Речевая деятельность - синтетический процесс в том смысле, когда синтез создает нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых; речевая деятельность осуществляется как для целей коммуникации, так и для целей самокоммуникации, т.е. мышления. В этом смысле внутренняя форма (картина мира) - база для реализации языковой способности [2, с. 54-55].

Другая сторона картины мира, или внутренней формы, - виртуальная знаковость. "Виртуальный знак - это известные особенности деятельности, отвлечённые от конкретных знаковых операций и атрибутированные соответствующему материальному объекту, т.е. закреплённые в знаковой форме; это - деятельность, опредмеченная в знаке" [3, с. 26]. Можно утверждать, что понятие внутренней формы эквивалентно, но не тождественно

понятию денотата в дескриптивной лингвистике. Исходя из позитивных посылок, дескриптивная лингвистика рассматривает денотат как внеязыковую действительность. На самом же деле картина мира - факт сознания. Картина мира субъективна.

Картина мира каждого отдельного члена социума - вариант синопсиса данного социума, благодаря чему между членами социума существует возможность коммуникации на общем для них языке.

Картина мира - фундаментальное понятие, позволяющее отличить психику человека от психики животных. Объекты познания, будь то предметы материального мира или фрагменты сознания, отображаются на психику индивида и коллективную психику социума (общество людей, говорящих на одном языке), образуя концептуальное представление объекта познания. Это концептуальное образование - результат человеческого опыта в конкретных языковых и культурно-этнических условиях. Картина мира имеет следующие характеристики: 1) обладает неотъемлемыми имманентно присутствующими свойствами (атрибут); 2) состоит из определенных компонентов (субстрат); 3) возникает и развивается по определенным законам (генезис, развитие); 4) специфически организована, построена (структура); 5) представляет собой до известной степени стабильные поведенческие действия [5, с. 11-12]. Картина мира непосредственно связана с этносом. (Поэтому овладение вторым языком предполагает формирование картины мира). Учитывая понимание текста на неродном языке, мы признаем факт либо сосуществования двух картин мира, опосредованных в одном случае родным (узбекским), в другом случае - изучаемым (русским и др.) языками, либо "креолизацию" этих двух картин. Последний случай означает несовершенное владение вторым языком.

Картина мира допускает описание своих субстратов средствами идеографического словаря. С другой стороны, картина мира допускает свое представление как концептуальной структуры (синопсиса). С учетом новейших достижений лингвистики интерпретируются проблемы семантики, а также механизм порождения текста в его отношении к структуре картины мира: использование семантических полей и соответствующих им идеографических групп слов для мотивации ситуаций и тем, фабулы (трансференции тем и рем в составе текста), решения практических задач коммуникации.

В полной мере используются средства символизации семантики - полной или частичной идиоматизации, постсемантических процессов, соотношений глубинной и поверхностной структур - и в связи с этим выбора: а) форм слов и форм словосочетаний; б) фоностилистики - рассмотрение звуков текста как безотносительно к содержанию (благозвучие и благопроизносимость), так и в отношении к содержанию звукоподражания, звуковой символизм; в последнем случае выделяется произносительное подражание и произносительный символизм; в связи с коррекцией в рамках фоностилистики рассматриваются омонимия, паронимия.

Принципы систематизации языка, характерные для традиционной лингвистики не могут решить задачи оценки и распознавания художественных текстов. Если традиционная грамматика в качестве единицы языка изучает предложение или слово, то лингвистика текста изучает текст как целое (7). Преимущество лингвистики (или, по-другому, грамматики) текста состоит в том, что говорящий и слушающий имеет дело с текстом, а не с предложением. Ван Дейк полагает, что в "языковой способности" (компетенции) существуют правила и условия для продуцирования и восприятия текста. Это значит, что обычные грамматики, в том числе порождающие, должны составить частные правила в общей системе грамматики текста [6, с. 10].

Лингвистическая теория художественного текста должна усматривать психическую первопричину текста, правила его порождения и распознавания. Лексические толкования, грамматическая и фонетическая информация играют подчиненную роль как средства интерпретации инвентаря текста Ван Дейк предлагает моделировать текст, но эта модель - "снизу - вверх" - от слова к предложению и даже к тексту.

Изучение семантики текста предполагает анализ его формы. Этот тезис не может противоречить вышесказанной посылке о том, что психический результат распознавания семантики текста абсолютно не выразим словом. Речь шла о том, что сумма значений слов или даже предложений не дает нам семантики текста. Семантика текста распознается в результате переработки информации, заложенной в форме текста. Переработка информации учитывает, в частности, органичность или неорганичность слова в общей словесной массе произведения, незаменимость его другим словом для создания того общего психического результата, который называется содержанием. Оценка и коррекция элементов текста достигается экспериментальным методом - в примерном удалении слова из текста и в замене его рядом синонимов. Также обстоит дело и с другими элементами текста - эвфоническими эффектами, оценкой синтаксической синонимии текста.

Доказательством этому служат интериоризированные А.С.Пушкиным образы внешней культуры: «Стихотворение "Узник" - художественный текст, стихотворение, представляющее собой атомарную структуру номинативного типа. Атомарность текста определяется тем, что стихотворение содержит одну тему, по которой можно догадываться об авторской картине мира. Тем самым "Узник" отличается от сложных текстов, где имеется некоторое множество тем, образующих иерархию.

Текст разделяется на две части: первая - предтекст - заголовок "Узник" и вторая - текст внутри, состоящий из трёх четверостиший.

Выделяется оппозиция двух основных концептов "Человек" - "живое существо", которые образуют парадигму, объединенную общим признаком "заключённый в темницу". Понятие "живое существо" представлено одним дериватом: "похожее на человека, заключённого в темницу". Прочие семантические дериваты относятся к концепту "человек". Концепт "человек" включает в себя следующие пропозиции: человек, который совершил какой-

либо проступок, "виновный человек", "заключённый: человек, находящийся в заключении под стражей, под надзором", "человек, находящийся в условиях угнетения, притеснения, политического бесправия", "человек, который сидит в темнице", "несвободный человек", "несчастный человек", "человек, которому не повезло", "человек, которого лишили всех радостей", "человек, жизнь которого однообразна", "человек, жизнь которого не интересна", "человек, жестоко наказанный", "человек, который похож на заключённого по той или иной причине", (ср. узник могилы), "житель темницы", "человек, дом которого - темница", "человек, который видит только небо", "человек, который видит небо только через решётку", "человек, доведенный до отчаяния", "необыкновенный человек", "человек, живущий в неволе", "грустный человек", "одинокий человек", "голодный человек", "человек, который испытывает отвращение к своему дому", "неразговорчивый человек", "человек, который всё время смотрит в окно", "человек, который завидует ветру", "человек, который завидует птица?!", "человек, который завидует тучам", "человек, который больше всего на свете мечтает о свободе", "человек, который волей других обречён на страдания", "человек, который хочет быть свободным", "человек, который ненавидит свой дом", "человек, который привык к своим лишениям", "человек, который не властен над своей судьбой", "человек, который полностью зависит от других", "человек, для которого счастье - свобода". Всё это богатство семантического ореола, заключённое в единственном слове предтекста "Узник", реализуется в небольшом по объёму тексте внутри. Пушкин не терпел однозначности, и в многозначности - главное достоинство исследуемого стихотворного текста.

Благодаря обилию семантических дериватов лексемы "Узник" подтекст стихотворения характеризуется богатством ассоциативных связей, синтагматических и парадигматических, которые актуализируются в тексте стихотворения имплицитно и эксплицитно, ср. синтагматические связи: "узник" - "сизжу", "узник" - "смотрит", "узник" - "хочет", "узник" - "грустный". Парадигматические связи "узник" - "решётка", "узник" - "темница", "узник" - "неволя", "узник" - "орёл", "узник" - "окно", "узник" - "птица", "узник" - "тучи", "узник" - "ветер". Имплицитная связь: "узник" - "небо", ср. "за тучей белеет гора", "синеют морские края". Здесь "туча" и "гора" и имплицитно "небо" по признаку "высота": "морские края" имплицитно "небо" по признаку "синий цвет". Таким образом предтекст "Узник" непосредственно прогнозирует текст благодаря своим семантическим дериватам и исходящим от них ассоциативным связям синтагматического и парадигматического характера.

Таким образом, художественный текст писателя, обусловленный творческим билингвальным сознанием, отражающий свой национальный образ на языке «вторичной» (и / или приобретенной) языковой культуры, имеет свойства адекватной его передачи в отличие от монолингва, который «копирует» «чужой» национальный образ с точки зрения своей языковой картины мира.

### Список литературы:

1. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значение слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. - Вып. II. - М.:Изд-во иностр. лит., 1962.-С.117-172.
2. Лекомцев Ю. К. Введение в формальный язык лингвистики. - М.: Наука, 1983.-264с.
3. Леонтьев А. А Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. -М.:Наука, 1965.-245с.
4. Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Вего кн. Семиосфера. – С.-П., 2000.
5. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека //Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.:Наука,1988. - 216 с.
6. Рождественский Ю. Е. Об исследовании текста в языкознании // Проблемы теории текста - М: 1978.- С.35 - 38.
7. Dijk T.H. Van Models for text grammar //Linguistics. – The Hague - Paris, 1973.-N 105.-P.33-69.

### СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЗДОРОВЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ)

**Таджибова Зайнаб Тагировна**

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета иностранных языков Дагестанского государственного университета народного хозяйства, г. Махачкала,*

Здоровье является предметом интереса человеческой мысли уже не одно тысячелетие. Полное толкование понятия «здоровье» по словарю В. И. Даля: «состояние животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга, болезни» [1, с. 675]. По словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «здоровье - правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» [5, с. 223].

Фразеологические обороты представляют собой наиболее своеобразную часть выразительных средств языка. Во фразеологизмах нередко отражаются особенности культуры данного народа, его истории, народные представления о тех или иных предметах и явлениях, национально обусловленные стереотипы восприятия окружающего мира. Это хорошо видно на примере фразеологизмов, в основе которых лежит сравнение [3]. В сравнениях используются названия домашних животных и птиц, а также диких зверей и дичи, с которыми сталкиваются носители данных языков. Особенно часто употребляются названия таких животных, как собака, волк, конь и некоторые другие. Создание многих образов в сравнениях с названиями животных и птиц в языках основано на одних и тех же наиболее характерных свойствах животных и птиц [9]. Идиоматические единицы, часто основанные на



метафорах и сравнениях, являются эталонами свойств человека или предмета, своего рода стереотипами, которые своеобразно характеризуют образцы здоровья, красоты человека, полезности предметов и т. д. В каждой культуре образное основание идиом специфично, что говорит о разном миропонимании, культурно-национальном мировидении и языковой кодировке действительности [7]. Например, в лезгинском языке о крупном, здоровом, сильном мужчине говорят *дагъ хътин* (букв.: «подобный горе») – здесь имеет место образное сравнение человека с горой, которая, конечно же, большая и мощная. Объяснить это можно географическим положением Дагестана и лезгинских сел, расположенных в горах. Эталоном здоровья в русской ментальности выступает бык: *здоров как бык*. В других национальных культурах эти эталоны могут быть иными: например, для англичан «мерилом» физического здоровья человека выступает здоровье лошади и быка: *<as> strong as a horse / as an ox /; the constitution like / of a horse / an ox* - здоров как бык; *Bull of Bashan* - здоровый, сильный человек с громовым голосом. В немецком же языке здоровый человек ассоциируется с медведем, так как медведь символизирует воскресение, новую жизнь: *gesund / stark wie ein Bar / eine Barennatur haben* - здоров как бык; *Barenkrafte haben* - быть сильным как медведь.

Выздоровление - особое состояние организма, наступающее за окончанием какого-либо болезненного процесса и продолжающееся до полного восстановления нормального питания и деятельности всех органов. В создании образности ФЕ данной фразео-семантической подгруппы участвует соматическая лексика [6], а именно нога. Во всех четырех исследуемых языках выздоровление ассоциируется с тем, что человек снова стоит на своих ногах: *квачел къарагъна, становиться / вставать /подниматься на ноги, be / get on one's feet, find one's feet, to be /get back on one's feet, wieder auf den Beinen sein / kommen, wie-der zu Gange sein, wieder auf die Fusse kommen, -* выздоравливать, оправляться от болезни.

Здоровый человек - это сильный, цветущего вида человек, поэтому здоровье оценивается через внешний вид человека и действия, способности человека [8]: *look strong and healthy; адан чиниз ягъавай фу чразва* - пышет здоровьем; *the very picture of health* - совершенно здоров; *lively person / blooming with health* - пышущий здоровьем; *kлаш хъыз ава* (букв. «как кукурузный початок»), *<as> fresh as a daisy, Frisch wie eine Rose, как огурчик* - здоровый; *look like a million dollars* (букв. «выглядеть на миллион долларов») - хорошо выглядеть, иметь хороший вид; *aussehen wie eine Landpoteranze / aussehen wie eine Pfingstrose* - как маков цвет. Как видим, свежий, здоровый вид ассоциируется с цветами (мак, лилия, роза) в английском и немецком языках, а в лезгинском и русском – с овощами (кукуруза, огурец).

В исследуемых языках про здорового человека говорят «кровь с молоком»: *яру млегъ хътин; milk and roses; wie Milch und Blut aussehen* - кровь с молоком; *have roses in one's cheeks* - румянец во всю щеку, пышет здоровьем, кровь с молоком; *blush crimson* - заливаться румянцем, *субрет*

*хътинди* – как картинка, *чиниз иви хъиткъиннавайди* - кровь с молоком, *Аллагъди гайи касс* - Бог не обидел.

«Кровь с молоком» - широко распространенное словосочетание русского языка, в котором объединены представления народа о красоте цветов - красного как кровь и белого как молоко. Румяное лицо, как воплощение этого сочетания, на Руси издавна считалось признаком крепкого здоровья и красоты. Другое значение выражения «кровь с молоком» - здоровое тело с чистой душой. У наших предков красный цвет (кровь) был символом красоты и здоровья, а белый цвет (молоко) - символом чистоты, светлости. В давние времена молоко использовали при умываниях, а на сегодняшний день сливки - ингредиент большинства косметических средств. По мнению многих филологов, термин «молоко» является родственным слову «молодой», а кровь представляет собой хранилище души. Обращаясь к буквальной трактовке выражения «кровь с молоком», упомянем о немаловажной части быта народов Крайнего Севера. Проживая в тяжелых условиях Заполярья и питаясь, с точки зрения нашего менталитета, крайне однообразной пищей (мясо и рыба), северные люди почти не болеют цингой и другими видами авитаминозов, поражающих в этих широтах европейцев. В субарктической кухне используется такое изысканное блюдо, как смесь парного оленьего молока (в разных пропорциях) с кровью животного (оленья, тюленья), исходящей из небольшого надреза артерии и используемой сразу же. Человек, употреблявший кровь с молоком, обладал необычайно крепким здоровьем. Таким образом, выражение «кровь с молоком» обладает удивительной многовековой историей, окутанной множеством загадочных легенд.

Признак «полное физиологическое благополучие», несомненно, входит в лексическое значение прилагательных «здоровый» и «крепкий» [3]. Во всех четырех исследуемых языках здоровый человек должен обладать физическим здоровьем: *feel / keep fit* - быть бодрым и здоровым; *be going strong* - быть полным сил; продолжать быть здоровым; *fighting fit / a fine figure of a man / <as> fit as a fiddle / flea; in the flesh / in form* - в хорошем физическом состоянии, здоровый; *of strong built* - крепкий как дуб; *klepeц хъыз ава* – крепкий орешек; *hale and hearty* - крепкий и бодрый (обыкн. о старых людях); *be in <good> health, сагъ чан* - быть здоровым; *rude health* - в добром здравии; *in the pink / in the pink of condition* - здоровый, сильный; *in the pink <of health>* - в прекрасном состоянии (о здоровье). Томас Гуссер применил слово *pink* к видам диантус. Так как дикие гвоздики (*wild pinks*) имеют бледный оттенок румян, слово *pink* (розовый) для обозначения этого цвета позже произошло от цветка. Настоящая фраза - это эллипсис от «*in the pink of condition, health*», где *pink* является синонимом для цветка. Таким образом, *pink* используется метафорически, как цветок, в значении «самое отличное состояние» в данной ФЕ. В немецком языке найдены следующие ФЕ: *gut zuwege sein* - быть здоровым, быть на ногах; *auf dem Zeuge/beim Zeug sein / gut im Stande sein / gut in Fahrt sein / in guten schuhen stecken / auf der Hohe sein* -

находиться в добром здравии, чувствовать себя хорошо; *j-d ist munter und zufrieden / munter und vergnugt / gesund und munter* - у кого-либо все в порядке; *Mark in den Knochen haben* - быть очень сильным. Лексема «munter» в немецком языке присутствует во всех вариантах данной ФЕ, поскольку имеет следующие значения: «полное физиологическое благополучие», «вновь пришедший в хорошее физическое состояние»; «выражающий состояние здоровья» [3]. В лезгинском языке «здоровье» считается самым главным в жизни. *Чан сагъ хьурай, девлет жагьйда*. – Пусть будет здоровье, богатство – найдется. *Сагъламвилелай еке девлет авач*. – Здоровье – высшее богатство. Также о здоровом человеке говорят: *сагъламни мякгькем* – здоровый и крепкий, *сагъ-саламат хьун* – быть здоровым, *сагъламни къуватлу* – здоровый и сильный, *сагъламвал хуьн* – беречь здоровье. В русском языке: *в силе* - наделен физической и духовной энергией; *жив-здоров*; *в здоровом теле* - *здоровый дух*; *крепок на ногах*; *кровь разыгралась*; *кровь бурлит / кипит / играет в жилах*.

Анализ семантики фразеологических единиц, характеризующих «здоровье» в лезгинском, английском, немецком и русском языках, позволил выявить как общие значения в семантике ФЕ рассматриваемых языков, параллели в семантике ФЕ, существующие только в двух или трех из изучаемых языков, так и расхождения четырех фразеологических микросистем ФЕ, описывающих «здоровье». Общее в семантике данных единиц обусловлено объективной реальностью; специфические особенности семантики фразеологических единиц, отличающие языки друг от друга, вызваны субъективной оценкой понимания здоровья, отличиями в ассоциативном восприятии окружающего мира представителями разных национальностей и культур. Лингвокультурная специфика проявилась и в образах, использованных в ФЕ. Здоровый энергичный человек сравнивается с горой в лезгинском языке, лошадью и быком в английском языке, с медведем в немецком языке, с быком в русском языке. Рассмотренные ФЕ, характеризующие понятие «здоровье», в своей внутренней форме сохраняют и воспроизводят менталитет народа, его культуру от поколения к поколению. Однако ФЕ исследуемых языков, имеющие одно значение, построены на разной образной основе, которая показывает национальные особенности миропонимания и мировосприятия.

### Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 2800 с.
2. Гюльмагомедов А.Г. Фразеология лезгинского языка. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 100 с.
3. Крысин, Л. П. Современный русский язык: лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография: учеб. пособие. М.: Академия, 2009. 239 с.

4. Лузенина, И. Н. Номинативные свойства лексических единиц, организуемых лексикосемантическое поле «Физическое состояние человека»: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1997. 270 с.

5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеолог. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. 908 с.

6. Самылина, Е. В. Структурные и семантические свойства процессуальных фразеологизмов со значением физической деятельности и физического состояния в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 256 с.

7. Усачева, А. Н. Лингвистические параметры концепта «Состояние здоровья» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 167 с.

8. Хайрулина, Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию: монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. 299 с.

9. Юсупов, Р. А. Общее и специфическое в разноструктурных языках: лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань: ТГГПУ, 2009. 297 с.

## **ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАСЕН Г. АНДЕРСА**

**Щербина Сергей Юрьевич**

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии факультета филологии, перевода и межкультурной коммуникации педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск)*

Сборник Г. Андерса [1] объемом 102 страницы содержит 104 текста, которые написаны прозой. Среди них имеются сверхкраткие (3-4 предложения), средние (полстраницы) и развернутые (1-3 страницы). Именно развернутые тексты противоречат традиционной краткости басни. Тем не менее, Г. Андерс пишет такие тексты вполне осознанно в соответствии со своими эстетическими принципами.

Обратимся сначала к тем примерам, которые ввиду лаконичности и состава действующих персонажей (животные, неодушевленные предметы, люди или божества) можно рассматривать как типичные басни.

### **Der Löwe**

Als die Mücke zum ersten Male den Löwen brüllen hörte, da sprach sie zur Henne: „Der summt aber komisch.“

„Summen ist gut“, fand die Henne.

„Sondern?“ fragte die Mücke.

„Er gackert“, antwortete die Henne. „Aber *das* tut er allerdings komisch.“

В структурном плане необычным является небольшой объем текста (зачин, диалог комара с курицей и развязка, которая совпадает с заключительной репликой курицы). При этом конфликт между персонажами не столь выражен, так как комар и курица скорее обмениваются мнениями на предмет звуков, издаваемых львом. Комар воспринимает рев льва как «писк / жужжание» („summen“), а курица как «кудахтанье» („gackern“). При этом оба сходятся во мнении, что лев жужжит» или ««кудахчет» очень «странно»» („komisch“).

Правда, курица для придания весомости своей оценке делает акцент на служебном слове „das“ («это») с функцией дейксиса, которое в тексте басни выделено курсивом.

Эксплицитная мораль отсутствует, поэтому реципиент вынужден самостоятельно интерпретировать басню. Вероятно, автор через комизм таких оценок персонажей, намекает на ограниченность персонажей, которые не видят ничего дальше собственного носа и живут только в собственной среде. Как видно из примера, комизм может быть свойственен басне [2, с. 31]

### **Was Kohle so glaubt**

„Bilde dir nur nichts ein!“ verhöhnte die Kohle den Diamanten. „Hätte ich ein so unbelastetes Leben geführt wie du, ich würde nicht weniger blitzen.“

„Im Gegenteil“, sprach der Diamant.

Перед нами еще более лаконичная басня, действующими лицами которой выступают неодушевленные предметы: уголь и бриллиант. В ней ситуация и конфликт вплетены в диалог и обозначены словами персонажа «уголь». Развязка же совпадает с ответной иронической репликой «бриллианта».

Отметим грамматическое оформление текста. «Уголь» выдвигает категоричное требование к оппоненту, которое звучит как издевательство („verhöhnern“). Далее он употребляет две формы сослагательного наклонения. Первая эксплицирует (прошлые) несбыточные („Hätte ich ein so unbelastetes Leben geführt wie du...“), а вторая (будущие) иллюзорные мечты („ich würde nicht weniger blitzen.“).

Бриллиант отвергает упреки в легкой жизни. Его лаконичная реплика состоит из антитезы «напротив/чушь» („im Gegenteil“) и глагола «произнес / молвил» („sprach“). Тем самым подчеркивается его уверенность в правоте.

В анализируемой басне также отсутствует эксплицитная мораль. Повидимому, через антропоморфизм – персонификацию и спор – автор пытается сфокусировать внимание реципиента к зависти.

В сборнике басен Г. Андерса тексты с традиционными персонажами представлены всего лишь несколькими примерами. Обратимся теперь к басне, протагонистами которой являются люди.

### **Was Kultur ist**

Auf einem ihrer Beutezüge, auf dem sie sich mit dem Fleisch eines Südküsters einzudecken hofften, bot sich den Nordküstern ein entsetzliches Schauspiel.

Hinter Riesenkakteen versteckt, konnten sie nämlich beobachten, wie der Südküster, auf dessen Fleisch sie es abgesehen hatten, einen der Ihrigen roh verspeiste. Jawohl, roh. „So etwas von Unkultur!“ flüsterten sie einander zu, und: „In unserer Zeit!“ Und: „Zu denken, dass wir den beinahe aufgegessen hätten!“ Und einer von ihnen übergab sich.

В басне действуют безымянные каннибалы северного и южного побережья. Зачин здесь развернутый, диалог состоит только из реплик каннибалов северного побережья. Реальный спор отсутствует: одна из сторон находится в укрытии среди гигантских кактусов. Контраст построен на том, что северян возмущает факт «бескультурья»: их соплеменника поедает живьем. И здесь читатель должен самостоятельно сформулировать мораль.

Известно, что басня имеет свои отличительные (жанровые) признаки: лаконичность (лапидарность), антропоморфизм (животные в качестве протагонистов), мораль (эксплицитную или имплицитную) и некоторые другие [3, с. 555],

Как уже было сказано выше, объем многих текстов сборника необычен для традиционной басни. Поэтому можно предположить, что некоторые из них являются пограничными жанрами, например, притчами, легендами, а также анекдотами. Приведем в качестве примера следующий текст, который на основании ряда характерных жанровых признаков можно с высокой долей уверенности скорее отнести к типу текста «анекдот» [4, с. 31]. Заметим, что в немецкой культурной традиции под анекдотом понимают краткий рассказ о реальных личностях или исторических фактах.

### **Schwarten**

Als Simonides, genannt „Der Turmschädel“, Sokrates wegen seiner niedrigen Stirn verhöhnte, antwortete dieser: „Wenn du nur etwas gescheiter wärest, Simonides, würdest du es verstehen, dein bisschen Verstand in einen kleineren Schädel unterzubringen.“

Персонажами выступают два греческих философа (Сократ и Симонид), что противоречит жанру басни. Правда, известны басни Г.Э. Лессинга, где персонажем выступает бог (Зевс) или человек (пастух). Но тогда вторым протагонистом в них являются животные.

Рассматриваемый текст ввиду конкретизации хронотопа (философы Древней Греции) можно считать анекдотом. К тому же он создает комический эффект и вследствие этого поучителен. При этом формально он напоминает краткие басни с аналогичной структурой: зачином и единственной язвительной репликой Сократа его оппоненту.

Напомним, что важным признаком басни служит обобщение, которое проявляется в персонажах (обобщенных представителей животного мира), панхронизме (вневременном характере) и обобщенном месте действия. Вместе с тем общим для басни и анекдота, видимо, следует признать иронию или комизм.

К жанру *притчи* Г. Андерс также неоднократно обращается в рассмат-

риваемом сборнике, может быть, как раз вследствие присущей обоим жанрам общей тенденции к иносказательности. В качестве подтверждения приведем следующий текст.

### **Wir Anonymen**

Die Insel, auf die die zwei Schiffbrüchigen Jo und Je verschlagen worden waren, war nicht nur menschenleer, sondern, da ihre Existenz niemandem zuvor bekannt gewesen, sogar namenlos. Aber Jo und Je schien das nicht anzufechten, umgekehrt schienen sie genau zu wissen, was in einer derart unalltäglichen Lage zu tun geboten war. Noch ehe sie ihre dürftigen Schilfhütten im Rohbau fertiggestellt, hatten sie nämlich eine Wochenzeitung gegründet: und dieser, so als kämen andere Namen überhaupt nicht in Frage, den Namen „Der Neubau“ gegeben. Natürlich verursachte die Durchführung dieses Projektes an einem so wenig fortgeschrittenen Platze tausend Scherereien – aber vor diesen scheute weder Jo noch Je, im Gegenteil, sie waren froh darüber, eine Aufgabe zu haben, der sie sich widmen konnten, sogar eine geistige. Und ebenso wenig verdroß es sie – ein Gedanke, der minder Zielbewußte gewiß völlig entmutigt hätte – daß die Zahl der Neubau-Leser selbst bei bestem Gelingen ihres Planes die der Neubau-Autoren niemals würde übersteigen können. Wenig erstaunlich also, daß sie nach einer Woche bereits so weit waren, strahlend die erste feuchte Nummer in der Hand halten zu können: und daß sie von diesem Tage an nichts so sehr liebten wie sich am Wochenende in Leser zu verwandeln, in völlig ahnungslose und uninformierte Leser, und nun als solche träumerisch am Wasser zu sitzen, in ihrer Zeitung herumzublättern, einander auf interessante Beiträge aufmerksam zu machen oder ihre Vermutungen darüber auszutauschen, wer wohl diesen oder jenen, Pseudonymen oder nur abgekürzt signierten Brief an die Schriftleitung verfaßt haben könnte. Da sie als höfliche Menschen von der ersten Nummer an stillschweigend die Regel befolgt hatten, einander nur in anerkennendem Tone zu erwähnen und Kritiken, sofern solche wirklich einmal unvermeidbar waren, nur zwischen den Zeilen durchschimmern zu lassen, gelang es ihnen rasch, ihre Exilsschwermut zu überwinden, nein, sich sogar in eine solche seelische Gesundheit hineinzusteigern, daß sie nun überzeugt davon waren, nie zuvor so völlig zuhause gewesen und so durch und durch verstanden worden zu sein wie hier in ihrer zweiten Heimat. Kein Wunder also, daß sowohl Jo wie Je, ohne daß irgendein Wort darüber jemals gewechselt worden wäre, den denkwürdigen Tag, an dem ihr glücklicher Schiffbruch sich jährte, dazu benutzten, um ihn unzweideutigen, zugleich kraftvollen wie demüthigen Leitartikel der Loyalität zu ihrem zweiten Vaterland Ausdruck zu verleihen und um einander für die Ehrenbürgerschaft ihrer Insel zu proponieren.

Приведенный текст имеет нетипичный для басни объем, в качестве протагонистов выступают персонажи с короткими именами Jo и Je. Местом действия служит необитаемый остров. Скорее всего, мы имеем дело с поучительной историей, которая становится понятной вследствие ироничности повествования. Протагонисты выпускают ненужную собственную газету с патетическим названием „Neubau“ («новостройка») и обсуждают соб-

ственные «сообщения». Это позволяет им сохранить спокойствие и поверить, что у них раньше не было настоящей родины, и никто их прежде не понимал. К годовщине кораблекрушения Jo и Je пишут для своей газеты «покаянную» передовую статью, преисполненную лояльности ко второй родине, чтобы поддержать друг друга в прошении о присвоении им обоим звания почетного гражданина необитаемого острова.

Представляется, что в истории высмеиваются мещанство, преклонение перед государством и лжепатриотизм. Следовательно, перед нами, скорее всего, притча с сатирическим уклоном. Отметим также ее нестандартное авторское графическое оформление, а именно: полное отсутствие деления на абзацы.

Для более объективной характеристики сборника следовало бы также остановиться на других типах текстов (жанрах) как, например, *легендах*.

### **Der Betrug**

„Nun ist es soweit“, sprach die Zweitgeborene, die Strafe. „Die Welt ist gemacht, die Tiere grasen, der Mensch wartet, Schick mich hinunter.“

„Wer von euch beiden bist du?“ fragte der Schöpfergott Zao, denn er war schon blind.

Die Strafe verstellte ihre Stimme und schrie: „ich bin die Schuld!“

„Gut“, sprach er. „Die Erste geht als erste.“ Und schickte sie hinunter zur Erde. – Als die Strafe, über Berg und Tal schwebend, den arglos seines Weges dahingehenden Menschen erspäht hatte, da stürmte sie hinunter wie ein Geier auf sein Opfer und flog, beinahe am Boden entlangschleifend, mit großen Flügelschlägen hinter ihm her. Und der Mensch erschrak vom Winde in seinem Nacken und bog in einen anderen Weg ein. Da er aber spürte, daß ihm das Hügelrauschen im Nacken blieb und, wohin er sich auch wandte, nur immer rauschender wurde, da geriet er in Panik und begann zu laufen, und wer ihm im Weg stand oder gar ihm den Weg vertrat, den schlug er nieder. Als er zusammenbrach, waren seine Hände blutig.

„Laß mich hinunter!“ schrie da die Erstgeborene, die Schuld, die das Unheil von oben aus beobachtet hatte.

„Welche von euch Zweien bist du?“ fragte Zao tief erschrocken.

„Die Erste“, antwortete sie weinend, „die Schuld. Warum hast du die Strafe als Erste hinuntergeschickt?“

Da schlug der Vater die Hände über seinem Haupte zusammen, denn er erkannte, daß er von der Strafe betrogen worden war.

Die Schuld aber flog hinunter, um zuzusehen, was sich noch gutmachen ließe, und ihr Vater hinderte sie nicht. Denn nun war ihm alles schon einerlei.

Seit diesem Tage sagt man in Molussien: „Die Schuld folgt der Strafe auf dem Fuße.“

Как известно, легенду от сказки и басни отличает экспликация места и времени действия. Персонажи могут быть представлены конкретными историческими фигурами. В этом плане рассматриваемый пример не совсем обычен. Местом действия выступает страна Молуссия как аллегория на



фиктивное тоталитарное государство.

Персонажами являются творец мироздания, бог Цао и два аллегорических женских образа – „Strafe“ («кара, наказание») и „Schuld“ («вина»).

Всезнающий творец мироздания состарился и потерял зрение. Поэтому, «кара», которую Цао создал после сотворения мира и людей только после создания «вины», обманывает его и первой отправляется к людям. Наконец, «вина», увидевшая страдания людей от «кары», убеждает Цао отправить и ее к людям, чтобы исправить ситуацию. Но своей волей он уже не исправляет установленный порядок.

Очевидно, что заключительное предложение текста типично для легенды. Оно приобретает характер обобщения благодаря использованию канонических для легенды обстоятельства времени („seit diesem Tage“ – «с этих пор/времен») и неопределенно-личной структуры („man sagt“ – «говорят») с эксплицитным назидательным выводом: «вина следует за карой по пятам».

Таким образом, Г. Андерс далеко выходит за границы жанра, обозначенного в заглавии анализируемого сборника. В баснях этого автора протagonистами обычно выступают не животные, а нетипичные для жанра персонажи (неодушевленные предметы, люди или божества). Наряду с баснями в сборнике широко представлены анекдоты, притчи и легенды. Общим для всех перечисленных жанров можно считать их иносказательность и определенную назидательность. Кроме того, басню и анекдот иногда роднит комизм или ирония.

### Список литературы

1. Anders G. Der Blick vom Turm / A. Günther. – München: Verlag C. H. Beck, 1968. – 102 S.
2. Coenen H. G. Die Gattung Fabel / H. G. Coenen. – Göttingen Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. - 236 S.
3. Grubmüller, K. Fabel // K. Weimar (Hrsg). Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft. Bd. 1. Berlin/New-York, 1997. – S. 555-558.
4. Wilpert, G. Sachwörterbuch der Literatur / G. Wilpert. – 7., verb. und erw. Aufl. – Stuttgart : Kröner, 1989. – 1054 S.

### ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

М.А. Мельников,  
*аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва*

**Аннотация.** Антикризисное управление представляется как совокупность мер, предпринимаемых руководством организации для предотвращения угрозы кризиса или его негативного воздействия на организацию. Результаты его могут оцениваться по критериям результативности и эффективности. Если результативность определяется как преодоление кризиса и возвращение ситуации в обыденное русло, то эффективность — как управление, которое позволяет минимизировать потери и сохранить продуктивные отношения со стейкхолдерами организации, их готовность поддерживать и далее сотрудничать с организацией. Условием достижения эффективности является систематическое планирование антикризисных мер. **Ключевые слова:** кризис, антикризисное управление, эффективность антикризисного управления.

В современных условиях кризисы на различных уровнях организации социально-экономических систем — от государств и даже международных альянсов и до подразделений отдельных организаций — становятся обыденностью. Широко распространено убеждение, что мир вступил в эпоху глобальной нестабильности. Это придает особое значение исследованиям в области антикризисного управления (АКУ), применению научных разработок в этой области на практике. Масштаб этих задач различен, мы же в данной работе сосредоточимся на некоторых типичных проблемах и задачах, имеющих отношение к эффективности АКУ организаций.

Далеко не все организационные трудности и проблемы, также разного рода авральные мероприятия являются предметом АКУ, но лишь те, которые угрожают достижению организационных целей. Какие цели имеются в виду? Можно ли их просто списать с бизнес-плана фирмы? Чаще всего такое невозможно, так как проблемы и цели АКУ носят специфический характер и могут в условиях «нормальной» работы никак не проявляться.

Выявлять, классифицировать проблемы, которые несут потенциальную угрозу кризиса помогают опыт, управленческая интуиция менеджеров, но они помогают далеко не во всех случаях, поэтому использование методов и инструментов теории АКУ представляется как более надежный метод выявления кризисных гроз.

Эта теория как систематическое научное осмысление кризисных феноменов в целом и экономических кризисов в частности зарождается во второй половине XIX века. Первоначально внимание исследователей обраща-

лось к масштабным кризисным явлениям различной природы – от экономических кризисов, сопровождающих циклическое развитие мировой и региональной экономических систем, до политических пертурбаций – революций, вооруженных конфликтов разного масштаба и этиологии. Это направление можно назвать *макроподходом* в антикризисных исследованиях.

Однако уже в первой половине 1980-х гг. сформировалось направление, которое можно обозначить как *микроподход* или исследование кризисов на уровне организации. Первоначально объектом этих исследований были коммерческие организации – предприятия, фирмы, компании. Постепенно исследования микроуровня распространились на некоммерческие, общественные организации и учреждения государственного управления. Последние два десятилетия интенсивного развития этого направления позволяют говорить о большом теоретическом и методологическом прогрессе, становлении и развитии научной и учебной дисциплины, получившей наименование «антикризисное управление».

Если оставить в стороне дискуссии, уточняющие определения корпоративного кризиса и кризисного управления, то кризис в самом общем виде можно определить как ситуацию, в которой организация испытывает риск прекращения своей деятельности под воздействием внутренних или внешних причин, препятствующих достижению организационных целей. В условиях нарастающих экономических, финансовых и организационных неурядиц планы компании рушатся, и она приходит к такому состоянию, когда не может нормально функционировать. В этом случае требуются внешние вмешательства, обеспечивающие процедуры санации или банкротства, которые предназначены для оказания помощи проблемной компании для нее выживания, или, в случае ее неотвратимого провала, для рационализации окончательной ликвидации принадлежащих ей активов. Все перипетии эффективного использования правовых и управленческих механизмов и средств для прогнозирования корпоративного банкротства, вывода компании из кризиса или ее ликвидации с минимальным ущербом для ее стейкхолдеров в отечественной литературе и практике АКУ составляют основное содержание микроподхода, где отчетливо просматривается доминирование финансовых методов управления.

Эти методы в полной мере на практике доказали свою продуктивность и полезность для принятия решений, минимизирующие последствия кризиса и ведущих к стабилизации ситуации. Однако они имеют одно существенное ограничение: посредством использования методов финансового анализа ничего нельзя сказать о перспективах возникновения кризиса, если все финансовые показатели в норме, а некоторые из важнейших даже демонстрируют позитивные тенденции в изменениях.

Более широкий взгляд на методологию подготовки организации к кризисному реагированию, предполагает выявление и систематизацию всех возможных кризисных угроз, оценку вероятностей их возникновения и определение признаков или «слабых сигналов», которые свидетельствовали

бы о возникновении угроз того или иного типа. На этой основе строятся планы превентивных, предупреждающих мер, позволяющих активно противодействовать кризисным угрозам. Эффективность такого противодействия будет определяться способностью или избежать развития кризиса или минимизировать его негативные последствия для организации.

АКУ – это *система* мер по противодействию негативному влиянию кризиса на организацию. Как и всякая система, АКУ содержит элементы, которые часто называют «этапами» или «стадиями» [2; 55]. Среди них чаще всего выделяются следующие этапы активного АКУ:

1. обнаружение и идентификация кризисных угроз;
2. определение типа кризиса, его масштабов, интенсивности и вероятной глубины охвата организации;
3. принятие превентивных мер, сдерживающих развитие кризиса;
4. разработка и реализация мер препятствующих разрастанию кризиса, охвату им все большего количества организационных процессов и сфер деятельности организации;
5. нейтрализация кризиса – адаптация организации к новым условиям деятельности;
6. после завершения активной фазы кризиса скорейшее введение в действие плана восстановления.
7. извлечение опыта и использование его для повышения компетенций антикризисных мер топ-менеджмента и всего персонала компании.

*Эффективность АКУ будет определяться как результирующая эффективности управления на каждом из этих этапов.*

Протекание любого кризиса характеризуется проявлением на фоне общих закономерностей множества индивидуальных черт, поэтому при осуществлении антикризисных действий важно сделать процесс АКУ гибким, реактивным по отношению к особенностям развития кризиса. Если при планировании АКУ не были предусмотрены меры по изменению плана в случае неожиданного развития событий, то сам процесс АКУ будет статичен, представляя собой не более как одну из форм пассивных средств защиты, характеризующихся установкой на минимизацию возможных потерь в случае кризиса. В то время как задача активных антикризисных мер – целенаправленно сдерживать, минимизировать урон, наносимый кризисом и сокращать время существования организации в чрезвычайном состоянии.

В организациях, где последовательно внедряют в практику методы АКУ, чаще всего имеется постоянно работающая группа, цель которой – обеспечить систематическое планирование антикризисных мер. Помимо уже упоминавшейся функции по идентификации «слабых сигналов», то есть первых признаков кризисных угроз, в ее задачи входит разработка сценариев развития кризиса и планирование мер по отражению опасностей, происходящих из тех или иных сценариев.

Определив, какие события, способные вызвать кризис, наиболее веро-

ятны, организация должна оценить свои позиции для эффективного им противодействия. Для этого следует выяснить, какие у нее имеются сильные и слабые стороны, и как они будут влиять на возможность развертывания антикризисных мер в случае тех или иных угроз. Эта задача решается группой антикризисного управления, которая таким образом представляет предварительную оценку готовности организации к принятию антикризисных мер.

Для проведения такой оценки должны быть проинвентаризированы существующие и доступные технологии всех ключевых бизнес-процессов, определено состояние человеческих ресурсов организации на предмет наличия необходимых для адекватного антикризисного реагирования компетенций и навыков, оценена достаточность материальных и финансовых ресурсов для принятия мер, предусмотренных избранным кризисным сценарием. Особое внимание следует уделить каналам коммуникации, связывающим топ-менеджмент компании с ключевыми для преодоления кризиса подразделениями.

Оценка уровня кризисной подготовленности организации предполагает также определение того, что из существующей стратегии, политики и структуры будет способствовать или препятствовать эффективному АКУ. Здесь несогласованности могут представлять опасность. Например, если руководство организации получает все больше и больше сигналов, что надвигается финансовый кризис, следует ли отказываться от реализации принятой стратегии, предполагающей существенные вложения в разработку новых проектов, или стратегия развития должна быть экстренно пересмотрена? Или в каких масштабах и с какого момента вводить меры по снижению затрат? При этом необходимо учитывать, что принятие мер АКУ само по себе является затратным мероприятием, причем в большей мере с точки зрения экономических, а не бухгалтерских издержек.

Важно оценить потенциал использования организационной культуры для АКУ [3]. Здесь требуется ответить на вопросы: каким образом существующая организационная культура способствует или препятствует реализации предпочтительного антикризисного сценария? существенны ли различия в субкультурах отдельных подразделений и как их учитывать и использовать при осуществлении АКУ? как противодействовать возможному негативному воздействию отдельных культурных норм, традиций и поведенческих установок на конкретные мероприятия в рамках АКУ? Например, практика показывает, что хорошие результаты обеспечивает централизация и концентрация власти на уровне CEO на весь период АКУ. Однако такое действие может вызвать сопротивление персонала, который рассматривает демократические принципы управления и партисипативный стиль принятия решений как безусловную ценность. Также негативное отношение людей к мерам АКУ может вызвать экстренное и существенное сокращение персонала, если организационная традиция предполагает транспарентный поэтапный процесс, предполагающий нанесение минимального психологического ущерба увольняемому работнику.

Также могут создавать определенные трудности для АКУ поведенческие стереотипы, «легитимизированные» культурой. Например, если в организации сложилась практика фильтрации плохих новостей, когда при отчетах подразделений нормой становится приукрашивание действительности, сокрытие проблем и недостатков, и такое положение дел благосклонно воспринимается высшим руководством, то последнее будет получать неточную, искаженную информацию, что, безусловно, скажется на качестве принятия решений в сфере АКУ. Наихудшей здесь будет ситуация, когда сотрудники, предупреждающие о появлении предкризисных «слабых» сигналов, объявляются паникерами, подвергаются критике и остракизму в полном соответствии с феноменом группового мышления. Во всей вероятности, их правота скоро станет очевидной для всех, но самое плодотворное время для организации эффективного АКУ будет упущено.

Эффективное АКУ требует как можно более ранней идентификации кризисных угроз и быстрого принятия ответных мер. Условием этого является создание системы выявления и оценки предупреждающих сигналов. Такая работа должна проводиться заблаговременно: должны быть систематизированы все возможные виды «слабых сигналов», свидетельствующих о нарастании кризисных угроз, определены шкалы их оценки, создана система их детекции и различения на фоне информационного «шума», способы надежной и своевременной коммуникации результатов их анализа лицам, принимающим решения в АКУ.

Определение слабых сигналов – непростое дело, которое требует навыков и выучки от специалистов различных направлений деятельности. Эти навыки лучше всего формируются при осознанном анализе внешней и внутренней среды организации на предмет отклонений, которые могут быть предвестниками кризиса [1]. Поэтому в организациях, которые намерены последовательно выстраивать систему АКУ, ключевые сотрудники всех уровней и функций должны принимать участие в критической оценке организационных мер, предпринятых на всех этапах развития кризиса, а лучшие решения и результаты должны быть доведены для всех участников этого процесса в качестве образцов правильного поведения и навыков, на которые следует ориентироваться остальным.

Природа организационных кризисов такова, что, как правило, связанные с ними проблемы выходят за рамки организационных границ. Когда назревает кризис, стейкхолдеры или ключевые группы, тесно связанные с организацией и заинтересованные в ее процветании – поставщики, дистрибуторы и клиенты, инвесторы, кредиторы, аутсорсеры, консультанты и т.д. – проявляют живой интерес к положению дел в организации, пытаются самостоятельно оценить ее перспективы [4; 128-129]. И это понятно: в зависимости от результатов такой оценки они будут вырабатывать стратегию поведения по отношению к организации, переживающей кризис. Варианты такой стратегии размещаются внутри континуума от быстрого и радикального прекращения контактов с организацией до оказания всемерной поддержки

даже за счет жертвования своими краткосрочными интересами. Однако выбор точки на этом континууме конкретным стейкхолдером в значительной мере зависит от поведения организации.

Здесь возможны различные сценарии взаимодействия со стейкхолдерами, однако в основе успеха лежат два принципа: во-первых, еще до кризиса отношениям со стейкхолдерами уделялось достаточно внимания – разрабатывалась и реализовывалась стратегия мер во взаимной поддержке, укреплению доверия, создания долгосрочных альянсов и неформальных союзов. В процессе этой работы стороны лучше понимают интересы друг друга и комплементарно адаптируют свое поведение.

Во-вторых, руководители АКУ своевременно и с достаточной полнотой снабжают стейкхолдеров правдивой информацией о положении дел с преодолением негативных последствий кризиса. Естественно, что такая информация должна подталкивать ее получателей к благоприятным для организации выводам относительно перспектив АКУ, но в то же время она должна создавать ощущение полноты и правдивости, не провоцируя стейкхолдеров на самостоятельный поиск дополнительных сведений из других источников. Значительно легче выполнить это противоречивое требование, если налажены хорошие отношения со средствами массовой информации, и их публикации представляют ситуацию вокруг организации в благоприятном свете. Известны случаи, когда представителей стейкхолдеров (прежде всего, инвесторов, кредиторов) включают в команду антикризисного управления, в процессы антикризисного планирования и моделирования, что повышает степень доверия к действиям организации и обеспечивает большую поддержку организации со стороны стейкхолдеров в ее усилиях по преодолению кризиса.

С учетом активной вовлеченности стейкхолдеров в процесс АКУ, его эффективность может быть определена как такое управление, которое позволяет избежать кризиса или минимизировать его последствия, а ключевые стейкхолдеры уверены, что угроза кризиса не отразится на результатах деятельности организации или не произойдут существенные отклонения от запланированных показателей работы.

Подготовка организации к кризису ведется в условиях высокой степени неопределенности как относительно типов потенциально угрожающих кризисов, так и вероятности их наступления. Организации слабее всего подготовлены к реакции на те кризисные ситуации, которые рассматривались как наименее вероятные. Именно поэтому многие исследователи определяют кризис как маловероятное событие, но которое, тем не менее, произошло [5]. Это, в свою очередь, означает, что в плане конкретных превентивных антикризисных мер именно данный сценарий, вследствие своей маловероятности, является слабо проработанным. Однако предусмотреть все сценарии невозможно, тем более заранее выработать детальные планы реагирования на каждый из них. В этом случае следует сосредоточиться на мерах по увеличению гибкости, адаптивности организации.

Такие меры представлены в теории менеджмента достаточно широко – от внедрения методов «бережливого производства», до придания компании свойств и компетенций обучающейся организации, от снижения числа уровней управления до использования широкого спектра интеграционных стратегий – создания альянсов, сетевых структур, передачи процессов на аутсорсинг, использование методов вертикальной интеграции и диверсификации производства с целью снижения потенциального ущерба от кризиса и многое другое. Организация, повышающая уровень своей адаптивности к изменениям окружающей среды, становится носителем нового эмерджентного свойства – способности к эффективному антикризисному управлению.

### **Список литературы**

1. *Зуб А.Т.* Антикризисное управление. М.: Форум. 2014. С. 40.
2. *Xum P.* Антикризисное управление. М., 2004.
3. *Deverell E., Olsson E.-K.* Organizational culture effects on strategy and adaptability in crisis management // Risk Management. 2010. Vol. 12, No. 2. April. Pp. 116-134.
4. *Kreiss D.* Strategic communication in a networked age. N.Y., 2015.
5. *Pearson C.* A blueprint for crisis management // Ivey business journal. 2002. January/February. P. 69-73.

## **КОНКУРЕНЦИЯ БАНКОВ И НЕБАНКОВСКИХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

**Крутько Вероника Витальевна**

*Студентка Санкт-Петербургского Государственного Экономического Университета, г. Санкт-Петербург*

**Маньков Вадэлий Вадимович**

*Студент Санкт-Петербургского Государственного Экономического Университета, г. Санкт-Петербург*

В банковском секторе наметилась тенденция к сокращению количества мелких и финансово неустойчивых организаций, а также к слиянию или поглощению одного банка другим и, как следствие, укрупнение игроков банковского сектора. Уменьшение количества банков ведет к ослаблению конкуренции, а строгое регулирование не позволяет брать банкам на себя высокорискованные обязательства. В текущих условиях конкурентом банковской системы могут выступать небанковские финансовые организации.

Прежде чем говорить о конкуренции между разными типами финансовых организаций, необходимо затронуть вопрос о конкуренции внутри отдельной сферы. Как известно, Банк России ведет активную политику по регулированию банков и финансовых рынков, в связи с чем у многих банков были отозваны лицензии, некоторые подвергаются санации, другие поглощаются более крупными банками. Все эти тенденции ведут к уменьшению



количества игроков на банковском рынке и увеличению остающихся банков. По итогам съезда Ассоциации Российских Банков был опубликован отчет о конкурентной ситуации на рынке. Согласно этому отчету, в период с 2011 по 2016 год количество кредитных организаций сократилось на 38,4%. Процент государственного участия в банках превышает 50% и продолжает расти, а количество групп кредитных организаций выросло в 2 раза. Тройка лидеров, к которой относятся Сбербанк, ВТБ Банк Москвы и Газпромбанк, занимает стабильно высокую долю рынка: примерно 60%.

По мнению Федеральной антимонопольной службы для улучшения конкурентной среды необходимо:

1. Изменить подходы к допуску банков к оказанию услуг государству и в рамках гос. программ (вклады, кредиты, банковские гарантии) в пользу конкуренции;

2. Использовать только конкурентные механизмы распределения субсидий для обеспечения льготного кредитования вне зависимости от размера банка (например, программа субсидирования автокредитования);

3. Обеспечить равный доступ к информации федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) и государственных внебюджетных фондов, в том числе используя одинаковые условия и механизмы представления информации для всех банков;

4. Исключить правовые условия, позволяющие доминирующим игрокам влиять на условия обращения услуг на рынке, в том числе изменив расчет среднерыночного значения полной стоимости кредитов;

5. Унифицировать правила приема онлайн-платежей через сайты ФОИВ, порталы госуслуг и ЖКХ, обеспечив возможность оплаты со счетов любых банков;

6. Стимулировать и развивать использование дистанционных каналов обслуживания, включая внедрение расширенных возможностей по удаленной идентификации клиентов на равных условиях.<sup>1</sup>

На рынке микрофинансовых организаций также происходит «зачистка» недобросовестных участников рынка. Ситуация, сложившаяся на 28 июля 2017 года: в реестре ЦБ РФ перечислены 2320 действующие организации, а в списке исключенных с 2011 года находятся 6082, то есть больше половины когда-либо действовавших МФО[2]. Для микрофинансовых организаций, играющих по правилам, это ведет к положительному эффекту, так как нелегальные кредиторы несут меньшие издержки на соблюдения норм и ведения отчетности, а зачастую и ее отсутствие, что ставит легальные организации в проигрышное положение, вынуждающее повышать ставки по займам. Особенность МФО является большое количество он-лайн игроков. Стоит отметить, что конкуренция на он-лайн уровне среди микрофинансовых организаций значительно выше, нежели среди

---

<sup>1</sup>Состояние конкуренции на рынке банковских услуг: 2011-2016 гг., Съезд АРБ, Москва, март 2017, <http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=15117>

офф-лайн игроков, так как потенциальному заемщику для анализа предложений достаточно открыть соседнюю ссылку и выбрать среди предложенных продуктов подходящий по всем параметрам.

Кредитные потребительские кооперативы и ломбарды регулирование Банком России не обошло стороной, на сайте ЦБ РФ можно получить информацию о количестве действующих, находящихся в ликвидации и ликвидированных КПК. Для легальных участников рынка усиление контроля, которое сказывается не только на добросовестных игроках, но и на финансовых пирамидах, под видом КПК, и комиссионных магазинов под видом ломбардов, оказывает только положительный эффект, ведущий к здоровой конкуренции.

Вернувшись к первоначальному вопросу о конкуренции между банковскими и небанковскими финансовыми организациями, стоит отметить, что эксперты в данном вопросе расходятся во мнении. Некоторые считают небанковские финансовые организации достойной альтернативой банкам, другие считают, что они являются игроками совершенно разных полей деятельности. Например, принято считать, что микрофинансовые организации, в отличие от банков, имеют социальную направленность, они создаются и функционируют преимущественно там, где банковские услуги недоступны или отсутствуют. В то же время практика показывает, что в крупных городах, где представлено большое количество банков, количество микрофинансовых организаций также значительно. То есть на рынке присутствует место и для банковских продуктов, и для микрозаймов.

Другой стороной социальной направленности является принятие в качестве заемщика тех людей, которые не могут быть банковскими клиентами по причине размера выдаваемой ссуды, неудовлетворительной кредитной истории и т.д. В таком случае МФО занимают ту нишу, на которую банки даже не обращают своего внимания.

Другие эксперты считают небанковские финансовые организации не конкурентами банкам, поскольку у них нет основы для конкуренции. При наличии конкуренции необходимы схожие продукты, общий потребитель услуг и рынки сбыта. Не смотря на то, что все они функционируют в кредитном секторе, их продукция и потребитель различны. Например, клиент, пришедший в банк и рассчитывающий на кредит в 18-23% годовых при отказе вряд ли согласится на кредит в микрофинансовой организации, где проценты в 10-20 раз больше банковских. Более вероятно, что он возьмет кредит под большую ставку в другом банке, но эта разница в плате за ссуду не будет настолько велика, как она была бы при обращении в МФО. В кредитный потребительский кооператив такой клиент может обратиться, но для этого ему понадобится потратить время на вступление в КПК, а его члены, как известно, тоже пристально проверяются, не говоря уже о вновь прибывших. Другой альтернативой является ломбард, но не всегда имеется имущество под залог, к тому же, сумма банковского потребительского кредита в среднем выше, чем средние займы ломбарда, а ставка ниже.

Если конкретнее рассматривать продукты, предлагаемые банками и небанковскими кредитными организациями, то, скорее всего, большей альтернативой банку является КПК, нежели МФО, поскольку кооперативы принимают вклады от своих пайщиков, в то время как МФО (а конкретнее, микрофинансовые компании) могут привлекать только инвестиционные вклады, превышающие 1,5 млн. рублей. Законодательством выбрана такая сумма не случайно. Считается, что внести такую сумму в качестве вклада в МФО может только квалифицированный инвестор, который дает отчет себе в возможных рисках. Кроме того такой высокий порог оберегает мало финансово грамотных граждан от непредусмотрительных вкладов под привлекательные проценты. В то же время, говорить о здоровой конкуренции между банками и КПК сложно, поскольку последние не являются массово-ориентированными. Чаще всего это локальные объединения, не имеющие филиальной сети, в отличие от банков. Кроме того, являясь некоммерческой организацией, КПК не заманивает новых пайщиков и не ведет активную рекламную компанию своей деятельностью, как это делают банки, от чего многие заемщики, не связывающие свою жизнь с экономическим сектором, зачастую даже не знают об их существовании и не осведомлены о правилах их деятельности.

Микрофинансовые организации по скорости выдачи займа и его размера больше схожи с ломбардами, если речь идет о микрозаймах «до зарплаты». Более того, если заемщик уверен, что сможет погасить заем вовремя и вернуть предмет залога, то ломбард обойдется дешевле в процентном эквиваленте.

Таким образом, следует вывод о том, что на данный момент времени, когда рынок небанковских финансовых организаций еще достаточно слабо развит, совсем недавно начал строго регулироваться, по-прежнему присутствует недоверие в связи с большим количеством «черных» и «серых» участников, является слабо финансово устойчивым в кризисные периоды, то говорить о серьезной конкуренции банковскому бизнесу не приходится. На данный момент они удовлетворяют потребности тех потребителей, которым банки либо не доступны, либо не интересны, то есть они занимают свою отдельную нишу на рынке ссудного капитала и конкурируют в большей степени с организациями того же вида.

### **Список литературы**

1. Видео-блог Информационного портала "Микрофинансирование в России". Серия передач «Пятый этаж» [электронный доступ]. - <https://goo.gl/dRQXTR>
2. Официальный сайт Банка России. Государственный реестр микрофинансовых организаций. [электронный доступ]. - <https://goo.gl/HXRpJP> (дата обращения: 02.08.2017)
3. Состояние конкуренции на рынке банковских услуг: 2011-2016 гг., Съезд АРБ, Москва, март 2017, [электронный доступ]. - <https://goo.gl/xwSp6U>

## ЛИЗИНГОВАЯ ФОРМА ОБНОВЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ФОНДОВ ФИРМЫ

**Фатьянов Яков Игоревич**

*Санкт - Петербургский государственный университет,  
г. Санкт – Петербург, студент*

В современных экономических условиях большинство предприятий сталкиваются с проблемами обновления основных фондов, в связи с этим, лизинг является необходимым инструментом обновления основных фондов фирм, который, в свою очередь, выступает как альтернатива привлечению банковского кредита.

Изучение эффективности лизинга при обновлении фирмой своих основных фондов позволяет определить выгоды, которые лизингополучатель приобретает за счет использования лизинга по сравнению с кредитом.

Среди преимуществ, которые предоставляются лизингополучателю, можно выделить налоговые и общеэкономические.

Использование лизинга позволяет экономить на налогах. В силу того, что уплачиваемые лизингополучателем платежи в полном объеме относятся к расходам, которые связаны с производством и реализацией продукции, лизингополучатель имеет законную возможность уменьшить свою налогооблагаемую базу и величину налога, подлежащего уплате. Использование же кредита в качестве альтернативы имеет существенный недостаток по сравнению с лизингом: «при погашении банковского кредита в состав расходов включаются только уплачиваемые проценты, да и то в определенных размерах» [1]. При использовании собственных денежных средств для приобретения основных фондов, следует учитывать размер налога, который компания будет обязана уплатить.

Применение коэффициентов ускоренной амортизации. Одним из факторов, который делает использование лизинга для обновления основных фондов более привлекательным для предприятия, является наличие возможности амортизировать приобретенное по договору финансовой аренды имущество с повышающим коэффициентом до трёх раз. Однако следует отметить тот факт, что это не распространяется на основные фонды, которые относятся к первым трём амортизационным группам, где срок полезного использования не является продолжительным.

Применение специальных коэффициентов позволяет фирмам уменьшить срок договора финансовой аренды и получить оборудование с нулевой остаточной стоимостью, в то время как его рыночная стоимость будет на порядок выше. После этого у фирмы есть два варианта действий: продолжать пользоваться данным видом основных фондов, уплачивая небольшой или нулевой налог на него, или же продать его и приобрести в лизинг новое и более совершенное оборудование. Здесь же можно выделить наличие возможности использовать амортизационную премию в отношении лизинго-

вого имущества, которая дает налогоплательщику (лизингодателю или лизингополучателю) право при исчислении налога на прибыль списать в расходах налогового периода до 10% первоначальной стоимости имущества.

Однако здесь необходимо учитывать одну важную деталь - применение повышенного коэффициента ускорения не всегда является целесообразным решением в силу того, что чрезмерно быстрое списание первоначальной стоимости может привести к неблагоприятным последствиям в отношении налогов, которые фирма должна будет уплатить в бюджет.

Представляется вполне реальной ситуация, когда имущество, приобретенное в лизинг, в течение первых лет используется не на полную мощность. Таким образом, лизинговое имущество приносит лизингополучателю сравнительно невысокие доходы, в то время как амортизационные платежи в начальные годы принимают максимальные значения за счет использования коэффициента ускорения. «В результате определенной диспропорции финансовый результат лизингополучателя может существенно колебаться; в начале срока лизинга лизингополучатель признает в учете убыток; а в дальнейшем относительно высокую прибыль» [2]. Более того возможен вариант, при котором лизингополучатель, быстро списавший стоимость приобретенного по договору финансовой аренды оборудования на уменьшение налогооблагаемой прибыли, начинает получать доход от использования этого имущества лишь после окончания срока лизингового договора. В связи с перечисленными выше моментами, лизингополучатель должен подходить к решению об установлении коэффициента ускорения весьма осторожно для совершенствования своей амортизационной политики.

«Лизинговые платежи производятся только после установки, наладки и пуска оборудования, следовательно, их можно осуществлять из средств, поступающих от реализации проекта» [3] Таким образом, у фирмы обычно есть достаточно времени для внедрения приобретенного имущества и извлечения доходов, которые будут направлены на платежи лизингодателю. Иногда лизингодатель предоставляет небольшую отсрочку первого платежа, предоставляя своему клиенту возможность наладить свой производственный процесс.

Лизинговые платежи могут выплачиваться не только в денежной, но и в натуральной форме, т.е. продукцией, производимой с помощью предмета лизинга. Это, в свою очередь, предоставляет лизингополучателю возможность улучшить сбыт собственной продукции.

Приобретение основных фондов в лизинг вовсе не означает снижение кредитоспособности фирмы: при обращении в банк лизингополучатель будет иметь такие же шансы на получение кредита. А если компания финансирует обновление основных фондов за счет кредита или размещения облигационного займа, то в её балансе необходимо будет указать соответствующую задолженность.

Возможна ситуация при которой лизингополучатель будет являться по-

ставщиком лизингового имущества в пределах одного лизингового правоотношения. Это ситуация характерна для возвратного лизинга, когда фирма продает лизингодателю имущество, которое оно сразу же берет в лизинг. Данную операцию называют лизинговым финансированием, поскольку фирма использует лизинг не для приобретения основных фондов, а для решения проблем с ликвидностью и получения возможности использовать коэффициент ускоренной амортизации и ряда иных льгот, которые фирма получает при использовании лизинга.

В отличие от банковского кредита для лизинга характерны менее жесткие требования по обеспечению сделки. Во многом это можно объяснить тем, что имущество, сдаваемое в финансовую аренду, является собственностью лизингодателя, выступает обеспечением договора финансовой аренды, а также обладает достаточной ликвидностью. Поэтому лизингополучатель должен предоставить обеспечение, которое будет в 2-3 раза меньше, чем при получении банковского кредита или уплатить первоначальный платеж до поступления лизингового имущества.

«Договор лизинга часто содержит в себе условия о технической поддержке оборудования лизингодателем (например, осуществление ремонта, обновление в случае появления более совершенных образцов), в результате чего лизингополучатель, по сути, приобретает дополнительные преимущества, в частности, уменьшает риск морального износа арендуемого оборудования» [4]. Приведенный выше перечень выгод в случае использования финансовой аренды для технического перевооружения производства, при определенных условиях, делает лизинг более привлекательным вариантом по сравнению с банковским кредитом или покупкой оборудования за счет собственных средств для руководства фирм, которые крайне нуждаются в новой и более производительной технике.

Использование финансовой аренды предполагает 100% кредитование сделки, поскольку лизингополучатель получает имущество, а в случае привлечения банковского кредита фирма получает, как правило, примерно 70-80% от стоимости необходимого компании оборудования. Оставшиеся 20-30% фирма должна выплачивать поставщику оборудования из собственных средств, что, в некоторых случаях, не представляется возможным.

Однако лизинг имеет несколько недостатков, на которые фирмы должны обращать пристальное внимание при выборе оптимального варианта:

Высокая стоимость предмета лизинга для фирмы относительно покупки за счет заемных или собственных средств. «При заключении договора лизинга стоимость привлекаемого заемного капитала будет больше, чем при использовании кредита, так как лизинговая компания получает вознаграждение за проведение лизинговой операции» [5].

Несмотря на то, что лизинговые платежи относят на себестоимость производимой продукции, уменьшая налогооблагаемую прибыль, эти самые платежи, которые будучи завышенными, могут привести к повышению

цены на товар фирмы и тем самым снизить его конкурентоспособность.

Перечисленные выше недостатки, которые присущи лизинговой форме обновления основных фондов не изменяют общую положительную оценку эффективности и целесообразности его применения. Однако финансовая аренда, как и любой другой финансовый инструмент, должен быть объективно обоснован и просчитан. Таким образом, мы не можем однозначно говорить о том, что лизинг всегда является более предпочтительным вариантом, поскольку лизингодатель может назначать, к примеру, очень высокий уровень комиссии за свои услуги, что сделает использование данной формы менее привлекательным и оттолкнет потенциальных клиентов.

Стоит отметить, что использование лизинга прежде всего связано с оптимизацией налоговой политики фирмы в целях получения выигрыша на налоге на прибыль. Поэтому применение механизма лизинга для приобретения основных фондов имеет смысл только для тех компаний, которые имеют прибыль или же когда нет другого варианта приобретения оборудования. В периоды спада или стагнации рынка лизинг становится менее привлекательным из-за отсутствия какой-либо иной выгоды получаемой фирмой по сравнению с альтернативными вариантами.

По итогам проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

Лизинговая форма обновления основных фондов обладает рядом преимуществ, которые делают её более привлекательной по сравнению с приобретением оборудования за счет банковского кредита или собственных средств. Во-первых, лизинг позволяет экономить на налогах: в отличие от кредита лизинговые платежи в полном объеме относятся к расходам, связанным с производством и реализацией, тем самым уменьшая налогооблагаемую базу по налогу на прибыль. Во-вторых, за счет применения коэффициента ускоренной амортизации фирма также экономит на налоге на имущество. Однако ранее были рассмотрены варианты, при которых использование данной возможности может привести к неблагоприятным результатам. В-третьих, использование финансовой аренды не снижает кредитоспособности фирмы, а требуемое лизинговой компанией обеспечение для такого рода сделки на порядок ниже, чем при кредите. Кроме перечисленных выше преимуществ, в работе можно найти и другие. Однако существуют негативные стороны рассматриваемого явления: снижение конкурентоспособности товара фирмы из-за высокой цены, поскольку лизинговые платежи завышают его себестоимость; относительно высокая стоимость предмета лизинга.

### Список литературы

1. Белозёров, С.А. Банковское дело: учебник / С.А. /Белозёров, О.В. Мотовилов. - Москва: Проспект, 2014. - 321 с.
2. Ковалев, В.В. Лизинг: финансовые, учетно-аналитические и правовые аспекты: учебно-практическое пособие / В.В. Ковалев. - Москва: Проспект, 2010. - 229 с.
3. Огнев, Д. В. Преимущества и недостатки лизинговой формы инвестиций / Д.В. Огнев // Известия ИГЭА. - 2009. - №1. - С. 38.
4. Ковалев, В.В. Лизинг: финансовые, учетно-аналитические и правовые аспекты: учебно-практическое пособие / В.В. Ковалев. - Москва: Проспект, 2010. - 201 с.
5. Апосова, Н.Н. Лизинг, его преимущества и недостатки // Вестник КрасГАУ. - 2011. - №4. - С. 11.

### К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТРАДИЦИОННЫХ ПОДХОДОВ

Ельшин Леонид Алексеевич

*Кандидат экономических наук, ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», г. Казань, заведующий отделом макроисследований и экономики роста*

Исследование цикличности развития экономических систем представляет собой важную научно-методологическую проблему. Не менее важной проблемой, как в научно-познавательном, так и в практическом плане является поиск методов, направленных на идентификацию фазовых сдвигов экономических циклов. Решению поставленных вопросов уделяется обширное внимание в традиционных теориях циклизма. Вместе с тем предлагаемые подходы требуют своего дальнейшего совершенствования в контексте эволюции механизмов и факторов, определяющих динамику и параметры экономических циклов на современном и перспективном этапах. Этой научно-методологической проблеме и посвящена настоящая статья.

Традиционные подходы к интерпретации экономических циклов основаны на моделировании системообразующих макроэкономических факторов, формирующих ожидания экономических агентов. При этом принципиальное отличие между кейнсианским и неоклассическим подходами заключается в моделировании толковании данных ожиданий, которые с одной стороны, в соответствии с кейнсианской теорией, не рациональны, с другой, исходя из взглядов неоклассиков, носят крайне рациональный характер.

Несмотря на полярность взглядов между представителями кейнсианства и неоклассицизма, выраженную, в первую очередь, в интерпретации ожиданий экономических агентов, определяющих парадигму моделирования циклического развития экономики, объединяет их система идентифицированных факторов, генерирующих макроэкономические генерации данных



циклов. К ним, можно отнести колебания процентных ставок, денежной массы, занятости, внешних конъюнктурных факторов и т.д.

По существу, можно констатировать, что традиционные подходы моделирования экономического роста оперируют факторами экономического порядка, что в значительной степени, на наш взгляд, сужает исследовательское поле в контексте определения ожиданий экономических агентов, колебания которых и формируют экономические циклы. В условиях современной экономики, характеризующейся высоким уровнем глобализации и интеграции в систему мировых цепочек создания добавленной стоимости, социальной ответственностью государства, развитием институтов регулирования и развития макроэкономических генераций, основанных, к примеру, на принципах «зеленой» экономики и т.п., интерпретация поведения хозяйствующих субъектов, базирующихся на ожиданиях, не может ограничиваться набором исключительно экономических факторов. Существует необходимость разработки многофакторных моделей, которые бы учитывали не только экономические параметры, несомненно оказывающие существенное воздействие на ожидания экономических агентов, но и факторы институционального, социально и др. порядка, во многом задающие тон циклическому развитию социально-экономических систем.

Большой интерес, в рамках изучения теории циклизма, представляет и прогнозирование макроэкономических генераций на основе познания природы и логики фазовых сдвигов внутри генерирующихся экономических циклов. При этом абсолютное большинство работ ориентированно на то, что характер и динамика циклического развития в прошлом будет определять характер и динамику циклического развития в будущем. Однако именно данный подход, на наш взгляд, вызывает массу дискуссионных вопросов.

Необходимо четко осознавать, что циклическое развитие нельзя охарактеризовать как регулярно протекающее во времени явление, напротив нерегулярность смен фаз экономических циклов является вполне естественным процессом. Таким образом определение вероятности наступления этих фаз и их длительности имеет сложную функцию со множеством неопределенных переменных [1]. Это, в свою очередь, может приводить к снижению качества прогностических моделей, построенных на основе экстраполяционных методов, что формирует известные риски снижения точности моделируемых оценок и, соответственно, предвидения циклических колебаний социально-экономических систем.

Множественность факторов, формирующих «точки и качество роста» социально-экономических систем в значительной степени усложняют объективные процессы моделирования, что и предопределяет необходимость совершенствования методологических подходов анализа и оценки факторов, запускающих механизмы макроэкономических генераций. Сегодня полагаются, как это преимущественно происходит в неоклассических и неокейнсианских концепциях, на моно- и микро параметрические (включающие

весьма ограниченный набор экзогенных параметров) модели экономического роста, означает снижение объективности получаемых оценок и соответствующих им выводов [3, 6, 7, 8].

Учитывая, что экономические системы, в силу целого ряда причин, по-разному адаптируются и реагируют на любые изменения (институционального, экономического, социального и др. порядка), происходящие в том числе и в рамках национальной или глобальной социально-экономической среды, характер и траектории их развития будут иметь персонифицированные особенности, включая и циклические колебания данных систем. Таким образом для углубленного изучения процессов экономического развития территорий, и соответствующих им генерирующимся экономическим циклов, требуется фундаментальный анализ широкого спектра факторов, обуславливающих их чувствительность к ним, а также определяющих формирование каналов распространения циклических колебаний других экономических систем, интегрированных в конкретную экономическую систему [2, 4]. Познание и научное обоснование данного процесса позволит оптимизировать решение целого ряда вопросов, в области регулирования и «ручного управления» фазами экономических циклов, в случае возникающей порой необходимости придания дополнительных импульсов динамике экономического развития системы, находящейся на тот или иной исторический период в определенной циклической фазе [5].

Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта №15-32-01353.

### Список литературы

1. Абалкин Л.И., Кондратьев, Н.Д., Яковец, Ю.В., Макашева, Н.А., Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. - 550 с.
2. Викторов, П.П. Развитие региональных и отраслевых хозяйственных систем в неравновесной экономике: вопросы теории и методологии : Дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 : Казань, 2003 192 с. РГБ ОД, 61:04-8/671-0
3. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. — 352 с.
4. Петросян, А.П. Неравновесие и структурная динамика российской экономики : Дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 : Казань, 2002 147 с. РГБ ОД, 61:03-8/3909-8
5. Сафиуллин М. Р. Об оценке деловой и экономической активности региона / М. Р. Сафиуллин, Л. А. Ельшин, А. И. шакирова. – Москва: Экономика, 2011. – 111с.
6. Хикс, Дж. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1988. - 448 с.
7. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. - с.158
8. Perez, C. Structural Change and Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System // Future, 1983. – vol.15, №4 – С.357-375

# КОНКУРЕНЦИЯ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ОБ АУДИТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК КАК КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ФАКТОР

Медведева Н.Г.

*кандидат экономических наук, доцент*

*Г. Тюмень, Тюменский индустриальный университет, доцент*

Институт государственных и муниципальных закупок имеет много аспектов:

- экономический, выражающийся в том, что с помощью закупок развивается конкуренция на российских товарных рынках, осуществляется поддержка предпринимательства, совершенствуется бюджетный механизм;
- инновационный, отражающийся в том, что закупки зачастую являются толчком к созданию новых товаров, услуг, технологий;
- социальный, поскольку через закупки обеспечиваются государственные и муниципальные (публичные) потребности, решаются стоящие перед государством социально-экономические задачи, а в процесс управления государством вовлекаются бизнес-структуры и др.

Многоаспектный характер института государственных и муниципальных закупок обуславливает и специфику правового регулирования отношений, которые складываются в сфере закупок. Так, ряд отношений регулируется нормами конституционного, административного, уголовного, финансового (бюджетного) отраслей права, основанных на императивном методе правового регулирования, когда запрещено все, что прямо не разрешено законом. К таким отношениям, по мнению автора, относятся отношения, связанные с управлением закупками (планированием, организацией и контролем). Отдельные отношения регулируются нормами гражданского права, нормами его подотраслей (предпринимательского, банковского, коммерческого, конкурентного, корпоративного), основанных на диспозитивном методе правового регулирования, когда разрешено все, что прямо не запрещено законом. К таким отношениям относятся, например, отношения, связанные с заключением, реализацией, расторжением государственных и муниципальных контрактов, исходя из автономии воли сторон контрактов, их равенстве и имущественной самостоятельности (хотя бы и с извлечениями, некоторыми ограничениями).

Многоотраслевой характер правового регулирования института государственных и муниципальных закупок нередко ведет к конкуренции нормативно-правовых актов, что неизбежно снижает эффективность и результативность их применения, а, следовательно, и эффективность собственно института государственных и муниципальных закупок. Так, в некоторой конкуренции находятся такие федеральные законы как Бюджетный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере за-

купок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», федеральный закон от №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными юридическими организациями» в части определения порядка государственных и муниципальных закупок, заключения, изменения и расторжения государственных и муниципальных контрактов.

По мнению автора, конкуренция законов просматривается также в части определения порядка аудита государственных и муниципальных закупок. Речь идет о следующих федеральных законах:

- федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в части ст.98 «Аудит в сфере закупок») [4];

- федеральный закон от 05.04.2013 ФЗ-41 «О Счетной палате Российской Федерации» (ст.14 и др. о контрольных полномочиях Счетной палаты в сфере государственных и муниципальных, в виде проведения аудита государственных и муниципальных закупок) (далее – ФЗ-41) [3];

- федеральный закон ФЗ-6 «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (ст.9) (далее – ФЗ-6) [2];

- и соответственно, принимаемые на основе ФЗ-41 и ФЗ-6 региональные законы о контрольно-счетных органах, содержащих нормы, регулирующие проведение аудита в сфере региональных и муниципальных закупок, аналогичные положениям, закрепленным указанными федеральными законами.

Согласно ст.98 ФЗ-44, аудит в сфере государственных и муниципальных закупок проводится контрольно-счетными органами всех уровней власти, именуемыми органами аудита, путем анализа и оценки результатов закупок, достижения целей закупок. Как вытекает из указанной статьи, ключевой формой деятельности органов аудита в сфере аудита закупок являются проверки, анализ и оценка информации о законности, целесообразности, обоснованности, своевременности, эффективности и результативности планируемых расходов на закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В силу этого ключевой является и экспертно-аналитическая деятельность органов аудита.

Данные положения идут в разрез с положениями законодательства об органах аудита (о Счетной палате Российской Федерации, о региональных и муниципальных контрольно-счетных органах).

В частности, в ФЗ-41 (ст.14) закреплено такое полномочие Счетной палаты Российской Федерации (федерального органа независимого государственного финансового контроля, или федерального органа аудита в контексте закупок), как финансовый, стратегический аудит и аудит эффективности, а также иные виды аудита, которые проводятся в рамках экспертно-аналитической деятельности контрольного органа [3]. При этом не определено, к какому виду аудита относится аудит государственных и муниципальных

закупок, как не определен и предмет этого вида аудита. Не увязаны положения об аудите в сфере закупок, который проводится региональными и муниципальными органами контрольно-счетными органами.

Как видим, содержание аудита, проводимого органами аудита по ФЗ-44, содержит конкретные направления аудита, в том числе законности, своевременности, целесообразности, которые отражают, по мнению автора, целевые ориентиры этого правового субинститута. В содержании же аудита по ФЗ-41 закреплены конкретные полномочия органа аудита (например, оценка выполнения условий контрактов по срокам, объемам, цене контрактов, количеству и качеству приобретенных товаров, работ, услуг, а также порядка ценообразования). Кроме того, в упомянутых законодательных актах закреплены и разные подходы к понятию эффективности и результативности закупок. Так, в контексте ФЗ-6 под результативностью законодатель понимает эффективность и экономность расходов бюджетных средств, а в контексте ФЗ-44 понятия результативности и эффективности имеют свое содержание, отличное друг от друга.

Это, прежде всего, прослеживается в подходах к назначению и содержанию аудита закупок, содержащихся в упомянутых выше законодательных и правовых актах отражены на следующем рисунке:

<b>Законодательный акт</b>	<b>Подход к назначению и содержанию аудита</b>
ФЗ-44 (п.3 ст. 98 «Аудит в сфере закупок»)	Проверка, анализ и оценка информации о законности, целесообразности, об обоснованности, о своевременности, об эффективности и о результативности расходов на закупки по планируемым к заключению, заключенным и исполненным контрактам.
ФЗ-41 (п.12 ч.3 ст. 14 «Полномочия Счетной палаты»)	Оценка обоснованности планирования закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд, реализуемости и эффективности осуществляемых закупок. Оценке подлежит выполнение условий контрактов по срокам, объемам, цене контрактов, количеству и качеству приобретенных товаров, работ, услуг, а также порядок ценообразования и эффективность управления контрактами.
ФЗ-6 (п.4 ч.1 ст. 9 «Основные полномочия контрольно-счетных органов»)	Организация и осуществление контроля за законностью, результативностью (эффективностью и экономностью) использования средств бюджета субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.
Закон Тюменской области «О Счетной палате Тюменской области» (п.4 ч.1 ст. 7 «Полномочия Счетной палаты Тюменской области»)	Организация и осуществление контроля за законностью, результативностью (эффективностью и экономностью) использования средств областного бюджета.

*Рис. Подходы к определению назначения и содержания аудита закупок [6, С.68]*

В результате сегодня мы имеем ключевые законы в области аудита закупок ФЗ-44 и ФЗ-41, содержащие правовые нормы об этом аудите, которые не взаимосвязаны, при том, что оба были приняты в один день – 5 апреля 2013 года. Более того, в ФЗ-44 нет нормы об аудите, отсылающей к ФЗ-41, ФЗ-6.

Между тем такая неувязка правовых норм разных законов, регулирование одни и те же общественные положения по-разному, не только ведет к конкуренции этих законов и сложности их применения. Такая неувязка должна рассматриваться как нормативная коллизия, что на основании законодательства о противодействии коррупции может рассматриваться как коррупционный фактор. Данное утверждение основано на положениях федерального закона «О противодействии коррупции» [1] и постановлении Правительства Российской Федерации № 96 от 26.02.2010 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Согласно указанным правовым актам, коррупциогенными факторами, устанавливающими для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения, являются нормативные коллизии - противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае.

Кроме того, по мнению автора, такие коллизии можно рассматривать как установление неопределенных требований в части содержания аудита в контексте ФЗ-41, который применяется органом аудита, что тоже рассматривается как коррупциогенный фактор. Представляется, положения об аудите закупок имеют юридико-лингвистическую неопределенность, поскольку в обозначении содержания и назначения аудита закупок в законодательных актах использованы двусмысленные термины и категории оценочного характера.

Необходимость устранения подобных коллизий очевидна, поскольку «закупки... традиционно и вполне обоснованно считаются наиболее коррупционнoемкой сферой внутригосударственной жизни» [5, С.66], государственный закупки являются «...одной из наиболее благоприятной сфер для осуществления коррупционных действий» [7, С. 144].

Как следует из Доклада ФАС России «Об осуществлении за три последних года количество нарушений в сфере закупок имеет стойкую динамику роста, о чем свидетельствует статистика ФАС о возбужденных административных производствах по фактам нарушений в сфере государственных и муниципальных закупок (с 9752 в 2014 году до 16661 в 2016 году) [9].

По данным Счетной палаты Российской Федерации, в 2016 году выявлено нарушений при осуществлении государственных (муниципальных) закупок и закупок отдельными видами юридических лиц (млрд. рублей/количество) – 53,1/898 (в 2015 году количество нарушений составило 566), что составило 56% от всех выявленных этим органом нарушений (в 2015 году –

54%) [10].

Нельзя не согласиться со Смотрицкой И.И., которая считает крайне важным в сфере закупок сформировать четкие определенные цели, набор соответствующих критериев оценки результатов закупок [8, с.78].

По мнению автора, устранению такой конкуренции положений разных нормативных актов, таких нормотворческих коллизий, некоей двусмысленности и неопределенности в нормативных правовых актах об аудите закупок, безусловно, будут способствовать следующие поправки:

1) пункт 1 статьи 98 ФЗ-44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» дополнить словами «в соответствии с законодательством об органах аудита»;

2) содержание пункта 3 статьи 98 ФЗ-44 увязать со статьей 14 ФЗ-41 «О Счетной палате Российской Федерации», статьей 9 ФЗ-6 «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований».

### Список литературы

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ [сайт]. - URL: [http://www.ach.gov.ru/activities/annual\\_report/](http://www.ach.gov.ru/activities/annual_report/)

2. Федеральный закон 07 февраля 2011 года № ФЗ-6 «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [Электронный ресурс] Счетная палата Российской Федерации [сайт]. - URL: [http://www.ach.gov.ru/activities/annual\\_report/](http://www.ach.gov.ru/activities/annual_report/)

3. Федеральный закон от 05 апреля 2013 года № ФЗ-41 «О Счетной палате Российской Федерации» [Электронный ресурс] Счетная палата Российской Федерации [сайт]. - URL: [http://www.ach.gov.ru/activities/annual\\_report/](http://www.ach.gov.ru/activities/annual_report/)

4. Федеральный закон от 05 апреля 2013 года № ФЗ-44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс] СПС «ГАРАНТ» [сайт]. - URL: <http://base.garant.ru/70353464/>

5. Корякин В.М. Антикоррупционная экспертиза документации о закупках товаров, работ, услуг для государственных нужд //Журнал российского права. – 2014. - №5. – С.66-75.

6. Медведева Н.Г. О правовой регламентации вопросов эффективности аудита государственных и муниципальных закупок: проблемы теории и практики // Российско-китайский научный журнал «Содружество», № 4 (4), 2016 (ч.2), С.66-69.

7. Рубцов В.Н. Мониторинг государственных закупок как механизм противодействия коррупции //Евразийская адвокатура. – 2017. - № С.142-145.

8. Смотрицкая И.И. Макроэкономические подходы к оценке интегральной эффективности системы государственных закупок //ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2014. - № 5. – С.70-79.

9. Доклад об осуществлении государственного контроля ФАС России в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля в 2016 году [сайт]. - URL: <http://www.ach.gov.ru>